

ЛИСА ШИ

**ПУТЬ
ОБЛАЧНОГО
СВЕТА**

ТРИЛОГИЯ "МИР СПАСЕТ ЛЮБОВЬ"

Лиса Ши
Путь Облачного Света

«Автор»

2026

Ши Л.

Путь Облачного Света / Л. Ши — «Автор», 2026

Представьте, что вы стоите на краю обрыва. Внизу — туман, в котором не видно ни дна, ни дороги. Вас толкают в спину, и вы летите. Это похоже на сон. Это похоже на смерть. Это похоже на любовь. «Путь Облачного Света» — книга о тех, кто решил упасть, чтобы научиться летать. О тех, кто обменялся сердцами и понял, что теперь каждое их чувство отдаётся в груди другого. О тех, кто встретил свою тьму и не отвернулся. Это не лёгкая история. В ней нет однозначно счастливого финала — есть только путь. И выбор: остаться на краю или шагнуть в неизвестность. Если вы чувствуете, что ваша душа ищет не просто развлечения, а глубины, — эта книга для вас. Только не говорите потом, что вас не предупреждали: Облачный Путь не прощает тех, кто боится высоты.

© Ши Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Путь Облачного Света

Глава

КНИГА 2. ПУТЬ ОБЛАЧНОГО СВЕТА

ГЛАВА 1. В ПОИСКАХ ЛЕРЫ

Десятки гигантских существ, покрытых костяной броней, мчались сквозь ущелье, поднимая тучи пыли, словно вихрь древних кошмаров, вырвавшийся из глубин забытых времён. Их чёрные копыта выбивали дробь, сотрясая землю, — каждый удар отзывался в груди Лео глухим эхом, будто сама планета стонала от их натиска.

Вожак остановился у тёмной расщелины между скал.

— Лео, они приближаются! — голос Элтоа прозвучал отчётливо, как удар хлыста.

— Я слышу. — Лео спрыгнул с выступа прямо перед застывшими монстрами. — Ну и страшилища. Элтоа, где ты их откопал? И зачем им две головы?

Он выхватил духовный меч. Клинок вспыхнул холодным светом — лунным, призрачным, будто сам свет стеснялся гореть в этом месте.

Верхняя голова вожака повторила движение Лео. Потом нижняя. Остальные монстры начали раскачиваться в такт.

— Вы все связаны. — Лео замолчал, всматриваясь. А потом понял: это не стая. Это один организм, распятый на десятке тел. И нити... нити уходят в темноту, за пределы видимости.

Вожак опустил нижнюю голову, нацелив острые рога, и ринулся в атаку. Земля задрожала. Лео почувствовал, как подошвы скользят по камням — слишком гладко, слишком опасно. Он едва успел уйти в сторону.

Двухголовый монстр сбоку дёрнулся, и его змеиный язык метнулся к Лео — длинный, раздвоенный.

Лео не думал. Рука взметнулась сама. Клинок взлетел и описал дугу. Язык упал на камни, ещё подрагивая.

Монстр взревел. Глаза обеих голов налились кровью.

Лео нырнул под брюхо твари. Клинок вошёл в плоть легко, будто в масло. Пахло гнилью и чем-то сладковато-тошнотворным. Запах разъедал ноздри, оседал на языке.

— Что за...? — Лео сморщился и отпрыгнул, отряхивая руки. — Он въедается в кожу.

Стадо ринулось вперёд. Копыта месили останки побеждённого, вбивая их в землю. Чавканье смешивалось с урчанием — они пожирали своего же.

Лео взлетел на вершину скалы. Было видно, как тёмная волна монстров устремила в пропасть и исчезла.

— Мокрая, — пробормотал Лео, вытирая ладонь о плащ. Кровь монстра оказалась густой, липкой, и пахла она хуже всего, что он когда-либо нюхал.

— Адреналин зашкаливает? — Элтоа появился бесшумно, соткавшись из тени. На его лице застыло выражение вежливого любопытства, как у кота, наблюдающего за мышью, которая ещё не поняла, что игра закончена.

Лео глубоко вдохнул. Воздух здесь пах серой, гарью и ещё чем-то неуловимым — может быть, самой пустотой. Таким воздухом невозможно надыхаться, он только раздражает лёгкие, напоминая, что ты здесь чужой.

— В норме, — ответил Лео. — Просто... они вели себя странно. Как марионетки.

— Потому что они и есть марионетки, — Элтоа склонил голову набок. — Ты начинаешь видеть нити. Это хорошо. Это значит, что ты готов идти дальше.

Лео посмотрел на свои руки. На запястье тускло блеснул шрам — звёздочка, оставшаяся от той стрелы, что соединила их с Лерой в прошлой жизни.

— Я готов, — сказал он. — Веди.

ГЛАВА 2. ХРУПКАЯ НАДЕЖДА

Элтоа появлялся во снах Лео не каждую ночь, но всегда — когда случалось нечто важное. Он возникал из ниоткуда, как утренний туман над рекой: сначала намёк, потом очертания, и вот уже стоит рядом, смотрит своими древними глазами.

На вид — лет двенадцать. Но взгляд... взгляд помнил рождение звёзд и то, как первые люди боялись огня.

Вместе они исследовали миры в полотне бесконечности. Элтоа водил Лео по закоулкам реальности, как старый проводник водит слепца по горному перевалу: показывал опасные места, объяснял, куда можно ступить, а куда — ни в коем случае.

И везде они искали Леру.

Её образ мерцал в сознании Лео постоянно — как звезда, затерянная в метеорном потоке. Иногда ему казалось, что он чувствует её запах: лесные травы, утренний туман, что-то тёплое и живое. Он оборачивался — никого. Пустота.

Однажды, просматривая события прошлого (Элтоа умел разворачивать время, как свиток), Лео заметил то, что раньше ускользнуло.

Во время того взрыва, который унёс их жизни, на периферии реальности появились тени. Живые, извивающиеся чёрные змеи. Они просачивались сквозь трещины бытия. Они не были случайностью. Они ждали. Знали, что произойдёт.

— Смотри, — Лео ткнул пальцем в мерцающую картинку. — Вот здесь. И здесь. Они двигаются осмысленно.

Элтоа прищурился, всмотрелся, кивнул:

— Ты прав. Это Теневой Предел. Мир теней. Они не живут, не умирают — они просто есть. И умеют манипулировать людьми.

— Как?

— Как пауки. Ткут паутину из судеб, а потом сидят в углу и ждут. Иногда воруют души. Им не нужна плоть. Им нужны эмоции, боль, отчаяние. Это их пища.

Лео сжал кулаки так, что ногти впелись в ладони. Холод поднялся из груди, сковал горло.

— Значит, они забрали её душу.

— Похоже на то.

— Я пойду туда.

— Я знаю. — Элтоа улыбнулся. — Потому и учу тебя всему, что умею сам.

Между поисками Лео погружался в уроки. Элтоа создавал миры для тренировок — настоящие, осязаемые реальности, где можно было умереть по-настоящему, если ошибиться.

Там Лео учился уклоняться от призрачных клинков, которые материализовались из пустоты и исчезали, коснувшись цели. Он прорывался сквозь стены ветра — такой силы, что они сдирали кожу с костей. Учился чувствовать поток энергии, текущий сквозь всё сущее.

— Энергия — это дыхание всего, что есть, — произнёс Элтоа однажды. — Научишься слышать её — сможешь менять реальность.

Сначала Лео ощущал её как тёплый ток в ладонях. Потом — как вихрь, готовый подчиниться воле. А потом научился не просто чувствовать, а направлять.

— А теперь, — сказал Элтоа, — научись создавать свой мир.

— Свой мир?

— Не фантазию. Живую ткань бытия. Сплетённую из намерения и силы. Закрой глаза.

Лео закрыл.

— Представь пустоту.

Он представил. Пустота была холодной, тёмной, бесконечной. В ней не было ничего — ни звука, ни запаха, ни надежды.

— Теперь наполни её формой. Не просто образом —мыслеобразом. Почувствуй, как он уплотняется. Как из тумана становится стеклом, из стекла — камнем. Пусть обретёт вес.

Лео представил поле. Бескрайнее, зелёное, залитое солнцем. Вдохнул в него жизнь — и деревья с серебристой листвой потянулись к небу. Реки из жидкого света потекли по равнине. Встали города — их башни касались облаков, а стены переливались перламутром.

С каждым разом мир становился всё реальнее. Лео чувствовал его вес, когда ступал по траве. Чувствовал запах ветра — свежий, чуть солоноватый, пахнувший дальними морями. Слышал шёпот листьев — они переговаривались на языке, который он понимал без слов.

Но даже в эти мгновения творения его не покидала тоска.

Лера.

Где она?

Существует ли её версия в этом бесконечном многообразии миров?

Если реальность так податлива, если он может создавать целые вселенные... почему не может найти её?

Он сидел на краю своего созданного мира, смотрел, как солнце из жидкого золота опускается за горизонт, и думал.

Может, она там — в трещинах между мирами, в тенях, что скользят за пределами видимости? Может, ждёт, когда он научится видеть не только свет, но и тьму?

Или... или её больше нет?

Нет. Этой мысли он не позволял коснуться сердца. Если допустит — разъест изнутри, как ржавчина разъедает металл.

Он найдёт её. Даже если придётся пройти через все бесконечные вариации бытия. Даже если придётся разобрать реальность по кирпичику и собрать заново.

Элтоа положил руку ему на плечо. Ладонь была тёплой, почти горячей.

— Надежда хрупка, — сказал он тихо. — Но именно она даёт силу. Ты учишься творить миры. Значит, сможешь найти тот, где она ждёт.

Лео кивнул.

В груди теплилась искра. Он ещё не знал, как попадёт в неорганический мир Теневого Предела. Но теперь понимал главное: чтобы спасти её, нужно стать больше, чем просто искателем.

Нужно стать творцом.

ГЛАВА 3. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ. ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

Близкие Лео беспокоились. Жень с Викой названивали по очереди, пытались вытащить его из уединения. Их голоса в трубке звучали как звон будильника — звали домой, к теплу, от которого он сам отказался. Но Лео избегал встреч. Словно путник, который боится потерять след в лабиринте собственных мыслей, он держался на расстоянии.

— Привет, старший брат. — Жень даже не поздоровался как следует, сразу врезал бодрячком. — Только не говори, что занят.

— Ты догадливый. Привет.

— Мы сегодня идём в наш бар-караоке и хотим тебя видеть. — Жень не спрашивал, он настаивал. — Попоём, расслабишься. Янь и Тин Шан тоже будут. Все отложили дела, Гэ.

Лео посмотрел в окно. За стеклом висел серый, промозглый пейзаж — небо в хмари, деревья голые, земля сырая. Февраль в этом году выдался особенно тоскливым.

— На ветках моей сливы всё ещё лежит февральский снег, — сказал он тихо. В голосе не было ни злости, ни раздражения — только усталость.

— Значит, пора навести порядок в твоём запущенном саду. Пригласить весну. — Жень парировал мгновенно, будто всю жизнь только и делал, что говорил загадками. — Слива тогда и зацветёт.

— Моя весна ушла. — Лео закрыл глаза. — Она скрыта в тумане, диди.

— Гэ, хватит киснуть! Мы волнуемся. Ты как призрак — в доме есть, а тебя нет.

— Я не кисну. Я ищу.

— Тогда я приду к тебе. Сейчас.

Лео не успел возразить. В трубке раздались короткие гудки.

Через полчаса Жень уже стоял на пороге. В современной гостиной Лео всё выглядело дорого и уютно — дизайнер постарался, но сейчас этот уют казался чужим, музейным. На столе — чайный набор и раскрытый ноутбук. Жень, не раздеваясь, прошёл на кухню и через пару минут вернулся с двумя дымящимися чашками пуэра.

— Гэ, пей, пока горячий. — Он поставил чашку на стол. — Мама места себе не находит. Говорит, ты даже на семейный ужин в прошлое воскресенье не пришёл. Совсем как отшельник.

Лео стоял у окна, не оборачиваясь. Туман обволакивал городские башни, делая их похожими на призраков.

— Сесе... — голос его дрогнул. — Просто работы много накопилось.

Жень поставил свою чашку на стол с лёгким стуком.

— Какой работы, Гэ? Ты вернулся из отпуска и будто часть себя там оставил. Даже Вейбо не обновляешь. — Жень подошёл ближе, вглядываясь в профиль брата. — Для нашего поколения это... Клиническая смерть. — Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла грустной. — Ты похудел. Глаза... такие, будто ты только что из фильма уся вышел, после битвы с демонами. Скажи честно, не встретил там, в горах, какую-нибудь яогуай?

Лео усмехнулся уголком губ.

— Яогуай? Если бы. — Он наконец повернулся к брату. Жень увидел в его взгляде что-то, чему не мог подобрать названия. Брат смотрел на него из глубокого, тёмного колодца. — Просто переосмысливаю многое.

— Гэ, перестань нести чушь. Мы же братья. — Жень схватил его за руку. — Ты помнишь, как в детстве, когда у меня по ночам был гуй пя цзин (кошмарный паралич) — кошмары эти дурацкие, — ты читал мне «Путешествие на Запад»? Говорил, что Сунь Укун всех духов прогонит, если я буду крепко держать тебя за руку.

Лео молчал. Смотрел на их сцепленные руки.

— Сейчас я чувствую, что у тебя за плечами стоит свой гуй пя цзин. И он тяжелее моего детского страха. — Жень сжал его руку крепче. — Выговоришься? Хоть раз в жизни не будь идеальным старшим сыном. Не думай об ответственности перед отцом, перед компанией. Будь просто моим братом.

Тишина висела в комнате тяжёлая, как мокрое одеяло. Лео смотрел на их руки, потом медленно перевёл взгляд на брата. И в этом взгляде больше не было ледяной бесконечности. Там появилась крошечная, тёплая искра.

— Гэ, — тихо сказал Жень. — Я всегда в тебя верил. Даже когда не понимал. Осторожнее, ладно?

И тогда Лео улыбнулся по-настоящему, тепло, как раньше.

— Спасибо, диди. За чай... и за то, что пришёл.

Лео посмотрел на свою руку — Жень всё ещё сжимал её. Тепло брата чувствовалось реальным. Осязаемым. Якорем. Теперь слова не нужны.

Когда Жень ушёл, тишина в квартире снова стала давить. Но теперь в ней появилось что-то новое — может быть, надежда. И в этой тишине Лео вдруг отчётливо понял: ему нужно к Виктору. Не за ответами — за чем-то другим. За тем, что нельзя объяснить словами. Просто зов. Как шёпот ветра, который несёт запах далёких земель.

Вскоре Кавказ встретил его морским бризом. Ветер нежный, как прикосновение потерянной любви, и зелень вокруг — яркая, сочная — сама земля радовалась жизни. Аэропорт находился прямо на побережье. Решение искупаться в море возникло спонтанно. Лео вышел из машины и глубоко вдохнул. Воздух здесь пах иначе: солью, водорослями, разогретой на солнце хвоей.

Вскоре он добрался до пляжа. Разделся и вошёл в воду. Море приняло его — прохладное, чистое, обжигает кожу после тёплого воздуха. Волны ласкали тело, смывая тяжесть прошедших месяцев. Лео плыл, пока не устал, потом перевернулся на спину и долго смотрел в небо.

Солнце согрело лицо. Чайки кричали где-то далеко. Мир простой и понятный — вода, небо, ветер.

И вдруг рядом с ним вынырнул дельфин.

Лео замер. Сердце пропустило удар. Дельфин фыркнул, выпустил фонтанчик брызг и игриво крутанулся вокруг. Потом нырнул, вынырнул с другой стороны и уставился на Лео — чёрным, блестящим, почти человеческим глазом.

— Привет, — сказал Лео вслух.

Дельфин пискнул и ушёл под воду. На прощание хлестнул хвостом по поверхности — обрызгав лицо Лео.

Лео рассмеялся. Впервые за много месяцев — просто так, от чистого сердца.

Он выбрался на берег, встряхнул волосы и отправился к дому Виктора в горы. Дорога неблизкая, но очень живописная. Она вилась вдоль горной реки, и каждый шаг приближал его к чему-то важному. Он не знал, что его ждёт, но чувствовал: здесь, на Кавказе, случится что-то, что изменит всё.

В саду его встретили Луна и Марс — овчарки малинуа, которых Виктор любил как детей. Они кинулись к Лео с радостным лаем, мельтеша хвостами и тычась мокрыми носами в ладони.

— Тише вы, с ума сошли, — Лео потрепал их по загривкам.

— А вот и главный бродяга объявился! — Виктор вышел на крыльцо, вытирая руки полотенцем. Улыбка у него была широкая, тёплая, как утреннее солнце после холодной ночи.

Они обнялись. Крепко, по-мужски, но в этом объятии передалось столько тепла, что у Лео на миг перехватило дыхание.

— Ну, проходи, рассказывай, — Виктор хлопнул его по плечу. — Я как раз уху затеял. Свежую рыбу наловил.

Вечером они сидели на веранде, пили вино и говорили. Обо всём и ни о чём. О собаках, о погоде, о том, как Виктор чуть не спалил кухню, пытаясь пожарить стейки. Лео слушал и чувствовал, как внутри потихоньку оттаивает лёд.

В душе крепла уверенность: Лера жива. Он найдёт её. Эта мысль стала якорем, который удерживал его на краю безумия, и крыльями, готовыми поднять над пропастью.

Каждый шаг приближал его к разгадке. Каждая встреча давала новую нить в запутанной ткани реальности. Поиски только начинались, и Лео собирался идти до конца.

В его сердце горел огонь, который не погасить ни тьме, ни страху.

ГЛАВА 4. ПРОБУЖДЕНИЕ

Уха получилась наваристой, с дымком и крупными кусками рыбы, которая буквально таяла на языке. Лео ел молча, наслаждаясь каждым глотком. Виктор сидел напротив, подливал вино и поглядывал на гостя с хитрецой — мол, ну как тебе моя стряпня?

— Отлично, — сказал Лео, отодвигая пустую тарелку. — Ты точно не хочешь открыть ресторан?

— Ага, и кормить там всяких проходимцев, — Виктор хмыкнул и разлил остатки вина по бокалам. — Нет уж, пусть лучше проходимцы ко мне приезжают. Так хотя бы знаешь, кого кормишь.

Лео улыбнулся и откинулся на спинку стула. Веранда выходила прямо на море — вернее, на ущелье, в глубине которого угадывалась синяя полоска воды. Горы здесь были другие, не такие, как в Китае: более дикие, лохматые, с крутыми склонами и острыми пиками.

— Слушай, — Лео повертел бокал в руках, — а где твои? Я имею в виду... Марина с сыном? Мы же в прошлый раз так и не поговорили нормально.

Виктор помолчал, глядя куда-то вдаль. Потом улыбнулся — не той широкой улыбкой, с которой встречал, а другой, тихой, домашней.

— На Байкале они. У родителей Марины. На всё лето умотали. — Он сделал глоток вина. — внука дед учит охоте, рыбалке. Представляешь? Пацан с ружьём по тайге бегаёт. Марина звонит, говорит, от него теперь слова не добьёшься — всё про следы да про зверей рассказывает.

— Хорошо, — тихо сказал Лео.

— Хорошо, — согласился Виктор. — Я их отправил, как только... ну, после всего. Решил, что пусть подальше будут, пока тут всё устаканится. А они втянулись. Дед у Марины — старый охотник, ещё советской закалки. Так что Игорь теперь при деле.

Лео кивнул. Ему вдруг стало тепло от этой картины: мальчишка на берегу Байкала, дед с ружьём, чистая вода и бескрайнее небо. Мир, в котором всё наконец-то встало на свои места.

— А ты почему не поехал?

— А я тут, — Виктор развёл руками. — Во-первых, хозяйство. Собаки, дом. Во-вторых... — он посмотрел на Лео внимательно, — я чувствовал, что ты появишься. Знал.

— Знал?

— Ну, не знал, а... Чувствовал. Сердцем. — Виктор постучал себя по груди. — Оно у меня после той перезагрузки, знаешь, стало каким-то чутким. Будто антенну включили.

Лео усмехнулся.

— У меня тоже.

Они помолчали. Где-то внизу шумела река, а может, ветер гулял по ущелью — звук был далёким, ровным, успокаивающим.

— Рассказывай, — сказал Виктор. — Я вижу, ты не просто так приехал. У тебя в глазах тоска, которую ни вином, ни ухой не залить.

Лео долго молчал, собираясь с мыслями. Рассказ о произошедшем был долгим. Он знал: Виктор — один из немногих людей, кто всегда выслушает и не сочтёт его сумасшедшим. Даже если то, что он расскажет, звучит как бред сумасшедшего.

— Я хочу побывать в тех местах, где мы были с Лерой, — наконец произнёс Лео. — В пещере, где мы прятались после крушения. Воспоминания возвращаются ко мне кусками, как фрагменты забытого сна. Но поговорить об этом не с кем. Будь я обычным человеком, всё было бы проще. Но я — лицо компании. Если пойдут сплетни, я подведу отца. Понимаешь? Этого я не могу допустить. Потому и избегаю лишнего общения. Живу как призрак.

Виктор молча кивнул. В комнате повисла тяжёлая пауза, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов на стене.

— А насколько реален твой Элтоа? — неожиданно спросил Виктор, подавшись вперёд.

Лео задумался, подбирая слова.

— Сложно объяснить... Наши встречи происходят во сне, но таких снов у меня прежде не было. Они реальнее реальности. Я ощущаю там всё так же ярко, как здесь, а порой даже сильнее. Мы вышли на след тех, кто похитил душу Леры. Она попала в Теневой Предел — странный, чужой мир, о котором я ничего не знаю. Но мы должны его найти. Элтоа обещал помочь.

— Об этом писали многие, — задумчиво протянул Виктор. — О параллельных реальностях, о путях познания... Ты уверен, что не путаешь вымысел с действительностью?

— Уверен. — Лео посмотрел ему прямо в глаза. — Я чувствую: это не игра воображения. Это что-то гораздо большее.

В этот момент дверь на веранду тихо скрипнула, и в проёме показался Василий Петрович. Кот с невозмутимым видом прошествовал к столу, запрыгнул на колени к Лео, встал на задние лапы, упёрся передними в плечи и, довольно мурлыкнув, уткнулся лохматой мордой в щёку. Потом спрыгнул и улёгся прямо на столе, раскинув роскошный, словно павлиний, хвост прямо на тарелку с недоеденной рыбой.

— Ну и самооценка у этого создания! Десять баллов из десяти! — усмехнулся Виктор. — Ему плевать, что у нас тут разговор. У него свои планы.

Лео погладил кота. Василий Петрович прищурился и замурчал громче.

— Хороший парень, — сказал Лео. — Знает, к кому на колени прыгать.

— А то! — Виктор хлопнул ладонью по столу. — Он у меня разборчивый. Если к тебе пришёл — значит, одобряет.

Они просидели ещё долго. Лео описывал прошлую реальность, рассказывал об общении с Элтоа, о его мире и о том, чему успел там научиться. Голос его то оживал, когда он вспоминал яркие детали, то становился приглушённым, будто он боялся нарушить хрупкую грань между мирами.

— Ты, я вижу, настоящий мастер, — улыбнулся Виктор. — Создать целый мир — дело нешуточное. Учись, пригодится. А потом, глядишь, и меня чему-нибудь удивительному научишь. Представляешь, что будет, когда мы воплотим задуманное? Все будут поражены.

— Ага, — кивнул Лео. Веки его тяжелели, слова давались с трудом.

Внезапно его накрыло волной изматывающей сонливости. Он знал этот знак. Элтоа звал его.

— Прости, я ужасно хочу спать. Пойду прилягу.

Не снимая одежды, Лео рухнул на кровать в гостевой комнате. Последнее, что он услышал, был тихий голос Виктора:

— Удачи там, сынок.

Сон накрыл его мгновенно, как тяжёлое бархатное покрывало. И в тот же миг яркий солнечный свет пробился сквозь сомкнутые веки.

— Уже утро, — подумал Лео. Но тут же понял: это не рассвет в привычном мире. Это начало нового пути.

ГЛАВА 5. ПО СТАРЫМ СЛЕДАМ

Кавказское утро ворвалось в окно солнцем и птичьим гомоном. Он открыл глаза и долго лежал, глядя в потолок. Сон с Элтоа выдался странным — они не тренировались, не искали Леру. Просто сидели на краю созданного Лео мира и молчали.

В доме пахло кофе и свежей выпечкой. Лео спустился на первый этаж и застал Виктора на кухне. Тот стоял у плиты в фартуке, доставал из духовки булочки с изюмом и что-то напевал себе под нос.

— Вот это да! — Лео присвистнул. — Вижу, ты очень рад моему приезду.

— Это секрет. — Виктор обернулся, бутафорски насупив брови. — Не смей об этом никому рассказывать.

Лео вскинул брови и согласно кивнул.

Виктор хмыкнул и снял фартук.

— Как спалось? Ты вырубился почти сидя.

— Всё отлично. Сейчас сниму пробу — и станет ещё лучше.

— Первый раз делал. Ты уж не обессудь, старался как мог.

Лео откусил кусок булочки. Она была тёплой, мягкой, с хрустящей корочкой и сладким изюмом внутри.

— Божественно.

— Ты ведь не троллишь меня?

— Как там у вас говорили? «Честное пионерское».

Они рассмеялись.

На кухню вплыл кот — Василий Петрович. Он щурился, потягивал гибкую спину и явно намеривался завтракать. Но запах ванили и кофе его не впечатлил. Он подошёл к миске, понюхал, презрительно чихнул и лапой вытер нос.

— Фу... — Виктор покосился на кота. — Тоже мне, голубая кровь. Мы вот простые, и то так не капризничаем. У нас тут завтрак, а ты даже не соизволил умыться, засранец!

Котейка сморщился — видимо, понял, что его унизили. Гордо помахивая хвостом, он вышел из кухни, всем своим видом говоря: «Всё равно здесь плохо пахнет. Сами жрите свои вонючие булки».

— Видал, каков тип? — Виктор развёл руками. — Он нас презирает. Вот учись, Лео, — не тому, чтобы под хвостом лизать, а тому, как себя несёт, сукин сын! Ладно, чёрт с ним. Что делаем? Ты готов к приключениям? Мне уже не терпится.

— Сейчас доем — и пошли. Мне пудриться не надо.

Дом Виктора стоял в горах так, будто вырос здесь сам. Азиатская архитектура — плавные линии крыш, тёмное дерево, камень. Внутри на стенах висели мечи — древние, с потёртыми рукоятками, и современные катаны, сверкающие зеркальной полировкой. Рядом с мечами — боевые топоры, какие-то крючья, метательные звёздочки.

— Это отцовское, — Виктор перехватил его взгляд. — Потом сам собирал. В Китае знаешь сколько всего интересного можно найти, если знать, где искать.

Лео остановился перед стендом с доспехами. Они стояли на манекенах — тяжёлые пластинчатые панцири, похожие на те, что носили самураи, но с китайскими узорами.

— В детстве ты нас сюда водил? — спросил Лео. — Я помню, мы с Жень рассматривали, а ты рассказывал про каждую царапину.

— Помнишь, значит. — Виктор улыбнулся. — Ты тогда ещё спросил: «А ты умеешь этим пользоваться?» Я ответил: «Немного». А сам думал: научить бы вас, пацанов, чтоб знали, как за себя постоять.

— Ты научил.

— Научил.

Они прошли в гостиную, и Лео увидел в углу высокие китайские вазы — те, что Виктор когда-то показывал им в детстве, рассказывая про династии и клейма. На стене висел свиток с иероглифами.

— Здесь чайная комната есть? — спросил Лео.

— Есть. — Виктор кивнул. — Потом покажу.

Они вышли в сад. Небольшой, но продуманный до мелочей: камни, ручей, перекинутый через него мостик, сосны, подстриженные так, чтобы казалось, будто они растут прямо из скалы. Бамбук шелестел на ветру.

— Японцы любят пустоту, — сказал Виктор, останавливаясь у ручья. — А китайцы любят наполнение смыслом. Каждый камень, каждая ветка. Я китайский сад делал. Долго. Сам камни таскал.

— Красиво, — сказал Лео, откидывая чёлку с глаз.

— Красиво, — согласился Виктор. — Ладно, пошли. Время не ждёт.

Лохматый сказочный лес принял их вчетвером. Луна и Марс носились по тропе, принимаясь. Лео шёл медленно, пытаясь вспомнить. Места казались чужими — деревья, камни,

повороты — всё одинаковое, как в любом лесу. Но его тянуло в одну сторону. Ноги сами выбрали путь.

В голове зазвучал бубен. Сухой, древний, как сама эта земля. Ритм менялся в зависимости от направления — когда Лео сворачивал не туда, звук стихал, когда шёл правильно — усиливался.

— Ты чего такой сосредоточенный? — спросил Виктор, поравнявшись с ним.

— Слышу, — коротко ответил Лео.

— Что?

— Бубен.

Виктор не стал переспрашивать. Просто шёл рядом, молчаливый и внимательный, готовый подстраховать.

Они шли долго, но лес кончился неожиданно — впереди открылось озеро. Лео остановился. Сердце забило чаще. Он здесь уже бывал и знал это место.

Перед глазами вспыхнула картина: разбитый вертолёт, дым, лицо Виктора, залитое кровью. Страх сковал тело — не за себя, за него.

— Ты чего? — Виктор положил руку ему на плечо. — Лео?

— Всё нормально. — Лео сглотнул. — Вспомнил кое-что. Пошли дальше.

Он двинулся в обход озера. Воспоминания о пещере тянули его вглубь леса, как магнит тянет железо. Виктор молчал. Обычно весёлый, сейчас он тихо шёл, следуя за ведущим.

Собаки забеспокоились первыми. Сначала Луна остановилась и наострила уши. Потом Марс глухо зарычал. Шерсть на загривках встала дыбом.

— Тихо, — скомандовал Виктор. Собаки прижались к ногам, но не переставали порыкивать.

Впереди, между скал, чернел вход в пещеру.

— Эта? — спросил Виктор.

— Угу.

Лео, не раздумывая, вошёл внутрь. Темнота обволокла его. Фонарик выхватывал из мрака корявые стены, мокрые сталактиты. Запах сырости смешивался с чем-то ещё — кислым, звериным.

Из глубины донёсся шорох. Собаки зашлись истерическим лаем. Огромная тень отделилась от мрака и рванула на них.

Лео даже не подумал — выставил руку вперёд, выбрасывая энергию. Прозрачный купол накрыл их за миг до того, как медведь врезался бы в первого человека. Зверь пронёсся мимо, ломая ветки на выходе, и скрылся в лесу.

— Трусые сухие, — выдохнул Виктор, прижимая руку к сердцу. — Но сердце сейчас выпрыгнет. А нам точно сюда надо? У меня сменных штанов нет.

— Пошли, — Лео уже двинулся дальше. — Он не вернётся.

Они углубились в пещеру. Свет фонаря метался по стенам, выхватывая то острый выступ, то тёмную нишу. В центре, в самом широком месте, возвышался огромный камень. Плоский, будто специально обработанный. На нём виднелись очертания каких-то останков — может, кости, может, просто тени.

— Мы были здесь с Лерой после крушения, — тихо сказал Лео. — Я почти ничего не помню. Но это место... оно ключевое.

— Что будем делать?

— Надо заночевать. Уже поздно, а это хоть какое-то укрытие. Медведь не вернётся, я поставил защиту.

— Ты уверен?

— Да.

Виктор огляделся, хмыкнул и начал развязывать рюкзак.

— Ладно, сынок. Уговаривать меня не надо — ты же знаешь, я не из сыкливых. Давай вить гнездо.

Эта фраза ударила Лео как молния.

— Она так, шутя, говорила. — Голос его дрогнул. — «Давай совьём гнездо».

Виктор замер, посмотрел на него внимательно, но ничего не сказал. Только кивнул и продолжил разбирать вещи.

Лео вышел наружу, насобирал хвороста. Когда вернулся, Виктор уже разложил спальные на лапнике — ровно, удобно, по-походному.

— Учил вас в детстве, — сказал он, заметив взгляд Лео. — Сам не забывай.

Они поели сухпайка, почти не разговаривая. Виктор понимал, как тяжело Лео, и не лез с расспросами. Собаки, успокоившись, прижались к людям, согревая своим теплом.

Лео лёг, закрыл глаза и мысленно повторил обращение к духам этих мест — тем, что хранят память о Лере, о них. Попросил помощи.

И провалился в сон.

Всё происходило в ускоренном режиме. Две прошлые реинкарнации промелькнули перед ним за одно мгновение — но каждую он прожил так ярко, будто это длилось годы.

Первая — генерал Чень Лун Фэй и принцесса Мейли. Обрыв, ветер, её рука в его руке. Стрела, вошедшая в них обоих. Его крик: «Живи!» — и толчок, отправляющий её назад, к жизни. А сам — в пропасть. И она, не раздумывая, следом.

Вторая — Жилан и Шенли. Лес, запах трав, белая волчица, вылетающая из темноты, чтобы спасти раненого принца. Лачуга, где пахло целебными настоями. Её глаза из-под вуали — такие знакомые, что сердце заходило. И финал: площадь, клетка, кровь на камнях. И голубь, кружащий над этим местом, пока не падает без сил.

Лео очнулся в темноте пещеры. Сердце колотилось где-то в горле, на глазах выступили слёзы — он провёл рукой по лицу и удивился: плачет? Но внутри всё дрожало.

Он хотел уже закрыть глаза и провалиться в забытье, но вместо этого его вдруг потянуло вверх. Знакомое, щекочущее ощущение — Элтоа звал его.

— Элтоа, я вспомнил наши реинкарнации, — возбуждённо произнёс Лео, открывая глаза уже в ином пространстве.

— Это круто, ведь так у вас говорят?

— Ага. Но не привыкай: у нас много чего говорят, и не стоит это копировать. Люди упрощают язык, как упрощают пищу — теряют вкус. А потом удивляются, почему в груди пустота. Но глубоко внутри каждый всё ещё помнит запах материнской стряпни. Тянется к нему. Даже если не знает, что ищет.

— Ты красиво сказал. — Элтоа склонился над собеседником, его голос зазвучал таинственно и приглушённо. — Слушай, Лео! Я нашёл в хранилище знаний немного информации об этом Теневом Пределе.

— Что ты узнал? — воскликнул Лео, с трудом подавляя волнение.

— Давным-давно случилась одна история. — Элтоа говорил тихо, будто сам вспоминал. — Девушка погрузилась в сон и не проснулась. Тело её жило, но душа застыла во времени. Никто не мог вернуть её к жизни.

— И что случилось?

— Юноша, влюблённый в неё, отправился к шаману. Тот долго искал душу в потусторонних мирах. А когда нашёл — отказался помогать.

— Почему?

— Сказал, что силы его недостаточны. Существа Теневого Предела слишком могущественны и коварны.

— И что сделал юноша?

— Шаман отправил туда его самого. Сказал: если справишься сам — помогу вернуться.

— И как? Справился?

— Душу он вернул. — Элтоа помолчал. — Но девушка изменилась. Стала чужой, потеряла память. Начала куда-то исчезать, а потом и вовсе растворилась в воздухе.

— А он?

— Говорят, иногда в горах видели два призрачных силуэта. Он всё искал её. Но пути их никак не могли пересечься.

— Печальная история, — вздохнул Лео. — А дракон? Ты говорил про дракона.

Элтоа улыбнулся. Помолчал, глядя куда-то в сторону, словно прислушиваясь к чему-то невидимому. Потом раскрыл ладонь — и в ней засиял металлический браслет в виде дракона с янтарными глазами.

— Это последний из Небесных драконов. Если он примет тебя — вы станете одним целым. Когда понадобится помощь — потри его глаз. Но сначала нужно активировать браслет, и он должен признать тебя. Иначе ничего не выйдет.

— Ух ты! — присвистнул Лео. — Где взял?

Элтоа потупил глаза, игнорируя неудобный вопрос.

— Я покажу, как его активировать. Тогда вы станете единым целым.

— Вот это да, личный Небесный дракон! И всё-таки, откуда ты его взял? Спёр где-то? — Лицо Лео расплылось в широкой улыбке.

Элтоа смущённо замолчал, а затем посмотрел на Лео своими чистыми, детскими глазами.

— Я позаимствовал его ради благого дела. Ты осуждаешь меня?

— Нет, что ты! Просто переживаю за тебя. Вдруг будут неприятности? Ты и так много для меня сделал, я благодарен тебе, но не хочу, чтобы ты пострадал.

— Не беспокойся. Я сам выбираю свой путь. Это мой выбор — помочь вам. Когда вернёшься, сделай, как я сказал. Надеюсь, дракон примет тебя и откроет своё истинное имя. У них два имени: одно для всех, а истинное даёт власть над ними — поэтому оно главная тайна. Решает он.

— А если он меня не примет, что тогда?

Элтоа загадочно улыбнулся:

— Уже поздно, тебе пора.

ГЛАВА 6. ЛОРИЭНС ДЕ АСТОР

Проснувшись в пещере, Лео долго лежал с открытыми глазами. Всё те же серые своды, отблески догорающего костра на стенах. Сердце всё ещё колотилось после видений — обрыв, стрела, клетка, кровь на камнях.

Он точно помнил: засыпал с пустыми руками. Но сейчас, когда он сжал пальцы, в ладони оказалось что-то твёрдое.

Камень.

Тёплый, гладкий, овальной формы — как яйцо, но цвета не имел. Он переливался, вбирая в себя свет углей, и внутри него пульсировало что-то живое. Камень из сна.

— Виктор, — позвал Лео тихо.

Виктор не спал. Сидел у входа в пещеру, смотрел на серый рассвет и пил воду из фляги.

— Чего?

— Мне сон приснился. Элтоа говорил про дракона.

— Какого дракона? — Виктор подошёл ближе, присел на корточки.

— Небесного. Последнего. — Лео разжал ладонь — Виктор увидел камень. — Сказал, что это он. Только спит. И чтобы разбудить, нужно... — он запнулся. — Нужно проколоть себе грудь и капнуть кровью ему в пасть.

Виктор присвистнул.

— Жёсткие у тебя сны. А если не примет?

— Тогда ничего не будет. Элтоа сказал: если не примет, браслет останется просто браслетом.

— А если примет?

— Тогда я стану с ним одним целым. И смогу попасть в Теневой Предел.

Виктор помолчал, глядя на камень. Потом кивнул.

— Ты знаешь, я в такие дела не лезу. Это твой путь. Но если что — я рядом.

— Спасибо.

Лео сжал камень в ладони. Тот нагрелся — сначала чуть тёплый, потом горячий, потом обжигающий. Лео стиснул зубы и терпел. По телу прошла дрожь — не от боли, от предчувствия. Сейчас решится всё.

Камень засветился. Сначала тускло, потом ярче, потом ослепительно — так, что Виктор зажмурился и отвернулся. Свет пробивался даже сквозь сомкнутые веки, а воздух вокруг стал горячим, как у печи. А потом камень рассыпался.

Пыль осела на ладонь Лео, и в ней остался лежать маленький дракончик. Чешуя его переливалась серебром, глаза — жёлтыми янтарями, а из крошечных ноздрей вылетала струйка дыма.

Дракончик моргнул. Посмотрел на Лео. И чихнул.

— Будь здоров, — машинально ответил Лео.

Дракончик фыркнул — явно обиделся. А потом прыгнул.

Лео даже не успел отдёргнуть руку. Дракончик впился в его запястье — не больно, а как-то щекотно — и начал втекать в кожу, как жидкое серебро. Лео зашипел, попытался стряхнуть, но поздно. Дракончик уже стал частью его — тонким серебристым браслетом, который обвился вокруг руки.

— Ох... — выдохнул Лео. — Это было...

— Странно? — подсказал Виктор.

— Больно. Но терпимо.

Он поднёс руку к глазам. Браслет выглядел величественно. Каждая чешуйка проработана до мелочей, даже крошечные коготки на лапах — и те можно разглядеть. Глаза дракона светились тусклым янтарём.

— Теперь кровь, — вспомнил Лео. Сделал глубокий вдох.

— Что?

— Ритуал.

Лео замер на мгновение. Если дракон не примет его — всё напрасно. Все поиски, все жертвы. Но выбора нет.

Он поднёс руку к сердцу и уколол себя острым концом хвоста. Капля крови выступила на груди — тёплая, густая. Лео собрал её пальцем и поднёс к пасти дракона.

— Давай, маленький, — прошептал он. — Не подведи.

Капля упала внутрь.

Дракончик вздрогнул. По его телу прошла дрожь — от хвоста к голове, от головы к хвосту. Чешуя вспыхнула — раз, другой, третий. А потом дракончик открыл глаза и посмотрел на Лео. Внимательно, изучающе, будто решал: достоин или нет.

И вдруг — шелчок. Дракончик проколол себе грудь.

Из крошечной ранки вытекла капля — золотая, светящаяся. Она повисла в воздухе, пульсируя тёплым светом.

— Пей, — раздался голос из браслета. Тихий, древний, чуть насмешливый.

Лео втянул каплю губами.

Горячее сияние разлилось по венам. Каждая клеточка вспыхнула, загудела, наполнилась светом. Лео задрожал, выгнулся дугой — и через мгновение всё стихло.

— Ты как? — Виктор придерживал его за плечи.

— Я... — Лео посмотрел на свои руки. — Я в порядке.

Браслет на запястье стал тёплым, почти горячим. Лео потёр янтарный глаз, мысленно призывая.

Браслет ожил. Сдвинулся, зашевелился, и через секунду на ладони у Лео сидел живой дракончик. Только теперь глаза его смотрели осмысленно, с хитринкой.

— Лориэнс де Астор, — произнёс дракончик. Голос звучал раскатисто, с лёгкой хрипотцой. — К твоим услугам, смертный. Хотя, судя по тому, что ты выжил после моего принятия, не такой уж ты и смертный.

Лео опешил.

— Ты... говоришь?

— А ты ожидал, что я буду мычать? — дракончик приподнял бровь — насколько это вообще возможно для дракона. — Я, между прочим, последний из Небесных драконов. Моя цивилизация строила реальности, пока твои предки ещё по деревьям прыгали. Конечно, я говорю.

Виктор за спиной Лео хмыкнул.

— А он с характером.

— Цыц, — дракончик даже не повернул головы. — Я тут со своим человеком разговариваю. Кстати, Лео, надеюсь, ты понимаешь, что теперь мы связаны? Я буду жить на твоём запястье, питаться твоей энергией и изредка давать советы. Бесплатно, между прочим. Даром. За просто так.

— А что ты хочешь взамен? — насторожился Лео.

— Ничего. — Лориэнс зевнул, выпустив струйку дыма. — Я уже мёртв. Вернее, моё тело давно сгорело в пламени войны. Осталась только сущность. А сущности много не надо — лишь бы носитель оказался достойный. Ты, судя по первому впечатлению, сойдёшь.

— Спасибо, — сказал Лео с иронией.

— Не за что. — Дракончик явно не заметил сарказма. — Ладно, познакомились. Теперь — по делу. Тебе нужно в мир теней, я прав?

— Теневой Предел.

— Туда просто так не попасть. Там другие законы, другая гравитация, другая реальность. Там нет органики. Тело своё придётся оставить здесь, отправить только дух.

— Элтоа говорил что-то подобное.

— Элтоа... — Лориэнс закатил глаза. — Этот вездесущий мальчишка. Знаю я его. Он, между прочим, спёр меня из Хранилища. Просто взял и спёр. Ради благого дела, сказал. — Дракончик хмыкнул. — Ладно, прощаю. В конце концов, лежать на полке тысячи лет — тоже не фонтан.

Лео и Виктор переглянулись.

— А ты... давно там лежал? — спросил Лео.

— Не помню. — Лориэнс вдруг стал серьёзным. — Время для драконов течёт иначе. Может, тысячу лет. Может, десять тысяч. Я потерял счёт, когда погиб последний из моего рода. — Он встряхнулся. — Но хватит о грустном. У нас есть дело. Ты хочешь найти свою женщину, я хочу снова почувствовать ветер под крыльями. Правда, крыльев у меня пока нет, но это детали. Идёт?

— Идёт, — улыбнулся Лео.

— Тогда договорились. — Лориэнс свернулся клубочком и снова стал браслетом. Только янтарный глаз блеснул напоследок. — Буди, когда понадобится. Набирался сил тысячи лет — ещё немного потерплю.

Виктор хлопнул Лео по плечу.

— Поздравляю. У тебя теперь личный дракон. С манией величия.

— Это точно. — Лео потрогал браслет. Тёплый, живой. — Ладно, надо выбираться отсюда. День начинается.

Впереди предстоял долгий путь.

Но теперь Лео шёл по нему не один.

ГЛАВА 7. ЗА СВЕТЯЩЕЙСЯ СФЕРОЙ

Солнце уже поднялось над горами, заливая лес золотым светом.

Виктор сидел у входа в пещеру, прислонившись спиной к камню. Глаза закрыты, но он не спал — медитировал, растворяясь в утренней тишине. Услышав шаги, открыл глаза и улыбнулся.

— Нас куда-то приглашают? — голос его звучал хрипловато, но доброта никуда не делась.

Лео подошёл и протянул руку. На ладони пульсировала светящаяся сфера — оранжевая и тёплая, живая.

— Да. Расскажу по дороге.

Собрались быстро. Спальники в рюкзаки, фонарики, остатки еды — Виктор умел собираться по-военному, без лишних движений. Собаки, почуяв сборы, заметались у входа, нетерпеливо повиливая хвостами.

Сфера летела впереди. Она то замирала, ожидая, пока они подойдут ближе, то срывалась вперёд, проверяя, не отстали ли.

— Теперь веришь, что Элтоа настоящий. Подарил мне браслет с драконом, — напомнил Лео, раздвигая ветки. — Он указывает путь к Теневому Пределу.

— Хорошо, что я не сплю, — усмехнулся Виктор. — А то решил бы, что схожу с ума. Но ты у нас особенный, так что идём за твоим светящимся шариком.

Они рассмеялись. Напряжение последних часов отпустило.

— Главное, никого не встретить, — Виктор покосился на сферу. — А то неудобно получится: все по лесу ходят как нормальные люди, грибы собирают, а мы тут с огненными шарами.

Он помолчал и добавил:

— Сынок, ты знаешь, я тебя люблю. Но пожалей старика. Мне страшно подумать, что будет дальше! Вот так спишь, никого не трогаешь, а просыпаешься — и тут дракон. Напоминаю: предупреждай заранее. А то бельё сменное закончится быстро.

— Не переживай, — Лео улыбнулся, поправляя куртку, — Предупрежу, если сам буду знать.

Собаки носились вокруг, радуясь утру и свободе. Воздух пах грибами, прелой листвой и чем-то ещё — свежим, лесным, настоящим.

Внезапно Лео остановился. Воспоминание накрыло его тёплой волной: тёмный каменный лабиринт, и впереди катится светящийся клубочек, указывая путь. Тогда, в прошлой жизни, они с Лерой шли за ним вместе.

— Интересно, — сказал он вслух. — Как это делала Лера? В ней тоже жил дракон?

— Вот найдёшь её и спросишь, — раздалось в голове.

Лео вздрогнул и остановился так резко, что Виктор чуть не врезался в него сзади.

— Ты чего?

— Тихо... — Лео прислушался к себе. — Кто это?

— А ты как думаешь? — голос в голове звучал насмешливо. — Или с тобой часто разговаривают телепатически?

— Лориэнс де Астор?

— Можно просто Лориэнс. А при посторонних — Выдающийся или Грандиозный.

Лео не сдержал улыбки.

— Хорошо. Я ещё не привык.

— Соберись, — голос дракона стал серьезнее. — А то выглядишь странно. Люди с открытым ртом по лесу не ходят.

— Я просто не ожидал, что ты заговоришь в голове.

— Ты думал — сон, а я безмозглая магическая ящерица? — Лориэнс фыркнул. — Мне миллионы лет, смертный. Конечно, я умею говорить и телепатически, как ты выразился.

— Извини. Я оказался не готов к соседству ещё и в голове.

— Привыкай. И учись контролировать эмоции. А то твоё сердце сейчас выпрыгнет, и кто тогда понесёт меня к цели?

Лео глубоко вздохнул, успокаивая пульс.

— Куда мы идём?

— Ты просил помощи. Я веду тебя к человеку, который сможет помочь.

— К человеку? Здесь, в лесу?

— Именно. Ты его раньше встречал, но ещё не вспомнил. Скоро всё узнаешь. Будь терпелив.

Лео кивнул сам себе и догнал Виктора, который уже успел уйти вперёд.

— С кем это ты там беседуешь? — поинтересовался Виктор.

— С Выдающимся и Грандиозным.

— Чего?

— Потом объясню.

ГЛАВА 8. НАЛАДКА КОНТАКТА С «ВЫДАЮЩИМСЯ И ГРАНДИОЗНЫМ»

Они шли уже около часа. Сфера петляла между деревьями, выбирая путь, который только ей был ведом. Лео молчал, прислушиваясь к себе.

— Лориэнс? — мысленно позвал он.

Тишина. В голове было пусто, только собственные мысли шуршали, как осенние листья.

— Лориэнс, ты здесь?

Ничего.

— Наверное, спит, — подумал Лео. — Или его нужно специально призывать.

— Да слышу я, слышу, — раздался недовольный голос. — Чего тебе?

— А... ты всё время слышишь?

— Мог бы и всё время, — в голосе дракона послышалась усмешка. — Особенно если ты хочешь, чтобы я сошёл с ума от твоей каши в голове. Представляешь, каково это — слушать весь этот поток? «А что поесть, а не забыл ли я выключить утюг, а не позвонить ли Жень...» Нет уж, уволь.

— Так ты не слышишь?

— Давай договоримся, — Лориэнс говорил тоном уставшего от жизни аристократа. — Ты не дёргаешь меня по пустякам. Я не слушаю твоё нытьё. У нас чисто деловые отношения. Идёт?

— Идёт, — согласился Лео. — А ты... можешь видеть, что я делаю?

Повисла пауза. Лео показалось, что дракон усмехается.

— Могу, — ответил Лориэнс наконец. — Но не хочу. Ты думаешь, я мелкий извращенец? Мы были богами, Лео. Нам поклонялись. Нас воспевали в гимнах. Думаешь, мне интересно подсматривать за тем, как ты... ну, живёшь обычной человеческой жизнью?

— Ну, мало ли, — пробормотал Лео.

— Расслабься. У меня есть чувство собственного достоинства.

— А если я, например... — Лео замаялся. — Ну, если я буду заниматься... парным совершенствованием?

— Чем?!

Лео покраснел. Даже мысленно это прозвучало глупо.

— Ну, в китайских романах пишут, что совершенствование бывает парным, и там...

— Лео. — Голос дракона стал ледяным. — Ты серьёзно сейчас?

— Ну а вдруг?

— Слушай сюда, смертный. Мы мирами управляли. Мы видели рождение и гибель цивилизаций. Думаешь, меня интересуют ваши... — он запнулся, подбирая слово. — Физиологические упражнения?

— Значит, не будешь?

— Не буду, — отрезал Лориэнс. И после паузы добавил ехидно: — Ну, может, разок посмотрю. Для общего развития.

— Лориэнс!

— Шучу я, шучу. — Дракон засмеялся — сухо, трескуче, как старый механизм, который давно не смазывали. — Вы, люди, такой примитивный вид. Но есть в вас что-то... перспективное. Если будете совершенствоваться дальше.

Лео вытер испарину со лба. Мысль о том, что за ним могут наблюдать в неподходящий момент, была невыносима. Хорошо, что это всего лишь шутка... наверное.

Виктор, всё это время наблюдавший за странной мимикой названного сына, не выдержал:

— Сынок, с тобой точно всё в порядке? Ты сегодня какой-то особенно странный. То замираешь, то краснеешь, то улыбаешься сам себе. О чём думаешь?

— Всё хорошо, — Лео постарался принять невозмутимый вид. — Да, так. Беседую с драконом. Уточняю его возможности.

— И как? Выяснил?

— Ещё нет. Но процесс идёт.

— Напоминаю про сменное бельё, — Виктор подмигнул.

— Я помню, учитель. — Лео отвесил шутковской поклон. — Я должен позаботиться о вас.

— Вот маленький засранец! — Виктор рассмеялся. — Ни капли уважения к старшим!

— Со всем уважением, учитель, — Лео распрямился и поклонился уже по-настоящему, но с хитринкой в глазах. — Просто тренируюсь.

— Тренируйся, тренируйся, — Виктор махнул рукой. — А я пока послезу, чтобы ты в дерево не врезался. А то размечтаешься со своим драконом...

Они пошли дальше. Сфера терпеливо ждала впереди, пульсируя ровным оранжевым светом.

— Лориэнс, — мысленно позвал Лео. — Спасибо. За то, что согласился помочь.

— Не за что, — буркнул дракон. И после паузы добавил уже тише: — Я давно не чувствовал себя живым. С тобой... интересно.

— Ты это серьёзно?

— Не бери в голову. Просто старик разнылся. Забудь.

И замолчал.

Но Лео почувствовал — между ними что-то изменилось. Совсем чуть-чуть. Но изменилось.

ГЛАВА 9. ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

На следующий день светящаяся сфера привела их на удивительную поляну, окружённую густым лесом и горными хребтами. Это место казалось другим миром — краски казались ярче, воздух чище, а трава ещё хранила остатки утреннего тумана, который лениво курился над землёй.

Небольшой дом с широкими террасами уютно расположился посреди цветущего разнотравья. На большом пне, похожем на трон, сидел пожилой человек с густой бородой. Он что-то мастерил, но, увидев путников, быстро спрятал в карман и замер, наблюдая за приближающимися.

Собаки, к удивлению Виктора, радостно бросились к незнакомцу, виляя хвостами так, будто знали его всю жизнь.

— Я вас давно жду, — приятным бархатным баритоном произнёс старец. Он поднялся и улыбнулся — ослепительно. — Проходите, будем завтракать. А то уже остывает.

— Добрый день, — Виктор слегка склонил голову. — Видимо, мы пришли именно к вам.

— Именно так. Я заварил чай. Для собак тоже есть еда и вода. Добро пожаловать в дом. Хозяин жестом пригласил гостей к столу, накрытому на летней террасе.

— Меня зовут Давид, — представился он.

Лео сложил ладони в традиционном приветствии и слегка поклонился.

— Лео.

— Виктор.

Давид пристально посмотрел на гостей. Взгляд его был пронзительным, но не тяжёлым — скорее, изучающим, как у врача, который уже поставил диагноз, но хочет убедиться.

— Духи известили, что вы ищите меня, — произнёс он. — Чем могу помочь?

— Мой сын попал... — начал Виктор.

— Я расскажу, — мягко перебил Лео. — Спасибо, что приняли нас. Высшие силы привели нас к вам для поиска пути в Теневой Предел. Душа моей жены... из прошлой версии реальности... она похищена. Мы узнали, что она там. Здесь её никто не помнит, даже я забыл, но воспоминания возвращаются. И она просит о помощи. Я должен её спасти. Но не знаю как. Вы можете помочь?

Давид смотрел на него долго, не мигая. Взгляд пробирал до костей, но не пугал — скорее, успокаивал, как тёплая вода после холода.

— Ты меня не помнишь? — медленно произнёс он, проведя рукой по густым выющимся волосам. — Я знаю, кто вы. Вы жили и учились здесь. И она тоже. Талантливая, светлая девочка. — Он улыбнулся своим воспоминаниям. — Я постараюсь помочь. Но это тяжёлое испытание. Пойдёшь один. Мы будем ждать здесь.

Он помолчал и добавил:

— Сейчас поешь и отдохни. Понадобятся силы. Мужество. И, конечно, любовь.

На слове «любовь» Давид снова улыбнулся — тепло, ободряюще.

Ароматный травяной чай и вкусный завтрак восстановили силы. Гости расположились в уютных комнатах, пропитанных необыкновенной энергией этого места — пахло деревом, травами и ещё чем-то неуловимым, древним.

Давид ушёл в лес на целый день. А когда вернулся, казалось, что он стал выше и стройнее — будто лес поделился с ним своей силой.

— Лео, — позвал он, хитро прищурившись. — Здесь есть чудесный водопад. Почему бы тебе не сходить туда искупаться, пока мы с Виктором поболтаем по-стариковски?

Лео молча кивнул. «Звучит как приказ», — подумал он про себя, но спорить не стал. Раз надо — значит, надо.

Он направился к водопаду.

ГЛАВА 10. ВОДОПАД ВОСПОМИНАНИЙ

Узкая тропинка, едва заметная в густом лесу, манила Лео вперёд. Лунный свет прокладывал путь сквозь ветви, словно приглашая всё глубже в чащу. Гул падающей воды становился всё громче, будоража сознание, настраивая на что-то важное.

Наконец лес расступился. Лео увидел серебряную ленту горной реки и водопад — невысокий, но мощный, срывающийся с каменного уступа в круглое озеро. Луна играла бликами на быстро несущейся воде, завлекая, как очаровательная незнакомка.

Лео быстро разделся и погрузился в воду.

Обжигающая прохлада мгновенно сняла усталость и напряжение дня. Каждая клетка тела ожила, задышала. Серебристые капли стекали по бледной коже, очерчивая рельефы подтянутого тела, и в лунном свете он казался изваянием — не мраморным, а живым, дышащим, но от этого не менее прекрасным.

Он закрыл глаза, позволяя воде нести себя. Полное расслабление, почти блаженство. А потом что-то изменилось.

Лео открыл глаза и увидел, как из воды поднимается облако. Оно искрилось в лунном свете, переливалось перламутром и постепенно приняло форму — маленькой, хрупкой, почти детской фигурки.

Облачный силуэт повернулся. В его очертаниях Лео почудилось что-то знакомое — не лицо, не фигура, а сама тоска, сама просьба о свободе. И тихо, умоляюще:

— Помоги мне, когда будешь там... Забери меня. Я отблагодарю.

Фигура растаяла, осыпавшись серебристым дождём обратно в реку. А вода в том месте, где она стояла, засветилась — мягко, тепло, создавая невероятные узоры в виде мандал. Они сменяли друг друга, разливаясь лучистым светом, и в этом свете Лео ощутил глубокую, вселенскую скорбь.

Кто-то молил о помощи. Оно страдало. Оно ждало.

— Я не знаю, — прошептал Лео одними губами. — Но я постараюсь.

И в этот момент его накрыло.

Воспоминания хлынули такой волной, что он едва не захлебнулся. Не головой — всем телом. Каждая клетка вспомнила.

Вот они с Лерой плавают здесь, в этом же озере. Она смеётся, брызгается водой, он ловит её за талию. Вот она расчёсывает его мокрые волосы пальцами — нежно, медленно, словно делает самое важное дело в жизни. Вот её глаза — блестящие, с длинными ресницами, в которых отражаются луна и он сам. Вот капли воды на её коже цвета белого нефрита. Вот её дыхание, свежее, чуть солоноватое. Вот её любовь — безграничная, тёплая, проникающая в каждую клеточку его существа.

А потом всё исчезло.

Одиночество навалилось так, что Лео согнулся пополам, едва не уйдя под воду. Тело ныло, словно из него выкачали всю кровь и вместо неё закачали пустоту. Воздуха не хватало, хотя лёгкие были полны.

Слёзы полились сами собой. Он даже не понял сначала, что плачет, — только почувствовал солёный привкус на губах, смешанный с пресной водой реки.

— Соберись! — рявкнул в голове Лориэнс. Грозно, как армейский сержант. — Ты что, хочешь утонуть в трёх шагах от цели?

Лео вздрогнул, дёрнулся и вынырнул из оцепенения. Несколько глубоких вдохов — и сознание прояснилось.

Он выскочил на берег, натянул одежду, даже не вытираясь, и, не оглядываясь, побежал по тропе обратно. Светящаяся сфера летела впереди, указывая путь.

Добежав до дома, Лео тяжело опустился на ступеньки террасы. Его трясло. Внутри всё дрожало мелкой противной дрожью, и он никак не мог это унять.

Дверь открылась. Давид вышел на террасу, сел рядом и молча положил руку ему на плечо. Тёплую, тяжёлую, надёжную.

— Я видел твоё состояние, — сказал он тихо. — То, что ты почувствовал её... это часть испытания. Твоя связь с ней сильна. Это хорошо. — Он помолчал. — Но будь готов к большему. Завтра мы начнём подготовку.

Лео кивнул. Слова не шли, да и не нужны были.

В комнате он упал на кровать, но сон не шёл. Перед глазами всё ещё стояли мандалы на воде, её глаза, её руки. В голове крутилась просьба о помощи. И голос Лориэнса: «Соберись».

Завтра начнётся новый этап.

Этап, который определит судьбу не только его, но и тех, кто ждёт помощи в неорганическом мире Теневого Предела.

ГЛАВА 11. СЛОВА НАСТАВНИКА

— Через несколько дней наступит подходящее время для твоего первого путешествия. А пока ты должен подготовиться и накопить силы.

Голос Давида звучал твёрдо, словно высеченный из камня. Ни намёка на сомнение, ни капли мягкости — только чистая, холодная уверенность.

— Твоё эмоциональное состояние нестабильно. А это очень плохо. Даже если у тебя много энергии, но ты не контролируешь эмоции — ты проиграешь. И тебе уже никто не поможет.

Лео стиснул зубы. Под кожей пульсировал жар — внутренний огонь, о котором говорил Лориэнс. Он чувствовал его всегда, но только сейчас начал понимать, что это не только сила, но и угроза.

— Я понял, Давид. Спасибо, что помогаешь нам.

— Ты должен понимать, с чем имеешь дело. Сущности Теневого предела — особенные. Это другая форма жизни. Они живут во тьме, но питаются светом живых. Древняя форма жизни... Их знания огромны, но нет чувств — лишь бесконечная жажда бессмертных форм.

Давид приблизился. В его глазах отразился холодный блеск — словно лёд на утреннем озере, будто сама вечность смотрела на Лео сквозь зрачки старца.

— Они видят живой свет через пространство. Чем ярче он, тем привлекательнее. Как демоны-искусители, они находят твои слабые места, используя их как точки входа. Это живая тьма — коварная и холодная.

Лео глубоко вдохнул, пытаясь унять внутренний огонь. Но тот лишь разгорался сильнее, требуя выхода.

— Я буду усердно тренироваться. У меня нет права на ошибку.

— Надо снизить накал. Ты сам себя заводишь.

— Как я могу понизить, если это действительно важно?!

— Твоё волнение — слабость. Как хищник чувствует страх и понимает, что перед ним жертва, так и ты станешь обедом, если не преодолеешь это. Сомнениям и страхам места нет — только одно намерение. Ты — намерение и ничего больше. Оставишь хоть щель — и они заползут туда.

Давид развернулся и ушёл в дом, оставив Лео одного на террасе.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни.

ГЛАВА 12. КУПАНИЕ ДРАКОНА

Виктор сидел под деревом, погружённый в медитацию. Лёгкий ветерок шевелил листья, наполняя воздух терпким ароматом хвои. Зашуршала трава — он открыл глаза и улыбнулся:

— Сынулька, ты чего крадёшься? Хочешь напакостить?

— Нет, а надо? — Лео усмехнулся. — Пошли завтракать. Да и рассказать хотел кое-что.

— Ну так пошли. А то я правда умираю от голода. Здесь просыпается зверский аппетит. Видимо, место такое.

Завтракали быстро — Давид оставил на столе свежий хлеб, мёд, травяной чай. После еды Лео повёл Виктора к реке.

Днём вода выглядела особенно манящей: солнечный свет оживлял её оттенками бирюзы и золота. Речная форель притаилась в прохладе, а маленькие рыбки выпрыгивали над поверхностью с тихим плеском.

— В прошлой реальности мы бывали здесь с тобой и Лерой, — тихо вспомнил Лео, глядя на игру света в воде. — Я вспомнил вчера. А ещё я видел здесь призрака. Он попросил меня о помощи.

— Какого призрака? — Виктор нахмурился.

— Сказал: «Когда будешь там, помоги мне». Я не знаю, как я могу ему помочь, ведь я там ещё не был. Но почувствовал боль и отчаяние этого существа. — Лео помолчал. — Мне стало очень жаль его.

— А кто это?

— Не знаю. Но он вернул мне часть воспоминаний, связанных с этим местом.

Виктор обнял за плечи Лео. Тепло его тела словно передавало силу и уверенность.

— Ты должен собраться. Не отвлекайся ни на что другое. Помни только о том, ради чего ты там. У тебя ещё нет такого опыта. Я переживаю за тебя, но, зная твой характер, даже не буду пытаться тебя переубедить.

— Вот и правильно. Просто верь в меня. Мне это сейчас очень нужно.

Они вдоволь наплавались — прохладная вода смывала усталость, возвращала телу лёгкость. В качестве тренировки наловили руками форели на обед: движения точные, выверенные, без лишних усилий.

По дороге к дому внезапно раздался голос Лориэнса — резкий, звонкий, как удар хрустального колокольчика:

— Я хочу поплавать в реке! Принеси меня ночью сюда, будь так любезен!

— Ой! — Лео вздрогнул, едва не споткнувшись. — Ты напугал меня.

— Ты что, забыл обо мне?! — в голосе дракона зазвенело неподдельное возмущение. — Ну ты даёшь! Ты — единственный обладатель Потрясающего Лориэнса в этом мире — и умудрился забыть! Ты мне должен компенсировать оскорбление! Хочу искупаться под лунным светом!

— Хорошо, хорошо, прости. — Лео улыбнулся. — Я просто задумался. Будет исполнено.

— Ты что там бормочешь? — Виктор прищурился.

— Да так... Дракон тоже хочет купаться.

— Ну надо же. — Виктор хмыкнул. — Вот это будет зрелище!

— Только ты и я! — тут же заявил Лориэнс. — Я не хочу никому показываться!

— Стесняешься? — усмехнулся Лео.

— Я не стесняюсь! Просто пока не хочу. У меня ещё не вся чешуя восстановилась. Я должен быть великолепен!

— Хорошо, придём только вдвоём, — успокоил его Лео.

Весь остаток дня Лео тренировался до изнеможения. Отрабатывал движения, сосредотачивался на дыхании, но внутренний огонь лишь нарастал, словно пытаясь вырваться наружу. К вечеру от напряжения дико разболелась голова — каждый звук отдавался в висках глухим стуком.

— Купаться! — выкрикнул Лориэнс так громко, что Лео дёрнулся и ударился головой о дерево.

— Ну зачем же так орать?! — Лео потёр ушибленное место. — Я всё помню! У меня и так голова трещит, а тут ты ещё мучаешь.

— Ты слишком напряжён. Поэтому и надо купаться. — Голос дракона стал наставительным. — Я ведь не только о себе забочусь. Я помогу тебе. Ты разве забыл, что я великолепен?

— Кто б сомневался. — Лео вздохнул. — Ты ж дракон, а не ящерица. Тебе положено быть особенным, магическим существом.

— Это да. — Лориэнс явно раздулся от гордости. — Мы все были такие. Но я — лучшим из всех!

Дракон замолчал.

ГЛАВА 13. ГИБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРАКОНОВ

Лео брёл по тропе к реке сквозь тёмный лес. Воздух становился прохладнее, наполняясь запахом мха и влажной земли. Когда он добрался до водопада и присел у струящейся воды, немного полегло. Лунный свет переливался в струях водопада блестящими нитями, создавая иллюзию танцующих звёзд.

— Лориэнс, мы пришли. Выходи.

Браслет на запястье нагрелся, заискрился, озаряя мягким сиянием всё вокруг. Маленький дракончик переполз на ладонь. Его озорные глазки светились радостью, отражая лунный свет.

— Ну наконец-то! Свобода!

Дракон прыгнул в воду и исчез.

Прошло несколько минут. Пять. Десять. Лео начал волноваться, вслушиваясь в шум водопада.

— Лориэнс! Лориэнс де Астор!

Вода забурлила. Из глубины поднялось нечто огромное. Поверхность реки всколыхнулась, разбрасывая брызги, которые вспыхивали в лунном свете, словно крошечные алмазы.

— Ты чего орёшь? — басом произнёс дракон. — Ты мне всю рыбу распугал!

Огромный дракон — значительно больше, чем в прошлый раз. Чешуя переливалась оттенками тёмно-зелёного и золота, глаза горели янтарным огнём. Лео отпрянул, но не от страха — просто залюбовался.

— Я... я волновался за тебя.

— А-а-а, понятно. — Лориэнс величественно повернулся боком. — Ну и как я тебе? Великолепен?

— Да. — Лео не врал. — А это твой настоящий размер?

— Нет. Я могу быть гораздо больше, но река слишком мала для меня. Впрочем, и это лучше, чем ничего. — Дракон вздохнул, и от его дыхания по воде пошла рябь. — В тебе много огня, и он мне мешает. Нарушается баланс. Сейчас иньской энергии добавится — и всё нормализуется. А ты давай тренируйся укрощать свой огонь. Это и мне мешает, и тебя может погубить.

Он положил голову на берег рядом с Лео. Дыхание было тёплым, с лёгким запахом костра. Янтарные глаза прищурились.

— Я хочу рассказать тебе свою историю. Тебе это следует знать.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Водопад шумел где-то рядом, но звук казался приглушённым, далёким.

— В нашем мире, где жила раса драконов, было много планет. Мы тоже были разные — по цвету, по силам, по уровням. Драконы — гордые и мудрые существа. Мы не жаловались и стремились к знаниям. И это нас погубило.

Лео замер. Сердце забило чаще.

— Они пришли неожиданно. Их привлек наш внутренний свет. Неорганические существа из Теневого Предела — бесформенные тени из параллельной реальности. Потом я узнал, что ими управляла Тень Первозданной пустоты. Я до сих пор не могу сказать, что это такое. Они долго изучали нас, а когда нашли слабые места, принялись обрабатывать каждого по одному.

— Как? — тихо спросил Лео.

— Мы всегда соперничали друг с другом — кто больше знает, кто мудрее. Когда удалось открыть нечто новое, всё держалось в тайне. Росла гордыня, чувство превосходства. Разобщённость. — Лориэнс вздохнул. — Они преподнесли себя как величайший дар — ключ

к бесконечной мудрости. Как такое могло не заинтересовать мудрых драконов? Они начали посвящать каждого тайком в секреты иных миров, завоёвывая внимание, затуманивая разум.

Вода плескалась у самых лап дракона, и в её отражениях Лео видел, как меняется его лицо — становится старше, печальнее.

— Мы становились всё более зависимыми. Взамен они хотели лишь немного света. Наша жажда росла, а свет — капля за каплей — убывал. В конце концов мы все очень ослабли и оказались на грани безумия, но не понимали этого. Драконы бились между собой, уничтожая всё вокруг. Начала исчезать вода, а за ней — всё остальное. Вода в нашем мире была особой. Она имела свойства памяти — хранилище вечности драконов. Мы забывали даже свои имена. Планета умирала.

Лео молчал, боясь спугнуть эту исповедь.

— Потом они начали предлагать посетить их мир, маня его прелестями. Многие ушли туда и не вернулись. — В голосе Лориэнса прозвучала глухая тоска. — А поскольку мы не часто общались между собой, этого никто и не заметил сразу. Теневой Предел враждебен, но Тень ещё ужаснее. У неё нет ни формы, ни лица. Оказавшись в чужом мире, почти лишённые сил и разума, драконы не могли вернуться обратно. Из них вытягивали свет, и они оставались там как тени.

Тишина повисла над водой. Даже водопад, казалось, стих, слушая эту историю.

— Оказалось, — продолжил Лориэнс совсем тихо, — что только поначалу они рассказывали нечто новое. А когда драконы от них начинали зависеть, тени лишь повторяли то, что мы и так знали. Но это воспринималось как сакральное откровение.

Он замолчал надолго. Лео чувствовал, как тяжёлое молчание давит на плечи.

— Я остался один. Последний дракон нашего мира. Когда я понял это, было уже поздно. У меня не осталось сил. Чтобы сохранить остатки разума, я запечатал часть своей сущности в ядре планеты.

Лео стиснул зубы так, что заныли челюсти.

— Наша планета жила, дышала и давала нам всё, а мы поддерживали её своей энергией. Потеряв связь с нами, она потеряла стабильность и взорвалась. Так пришёл конец нашей цивилизации. Лишились разума, потеряли воду, потеряли память. Потеряли всё.

Лориэнс опустил голову. В его огромных медовых глазах застыла безмерная печаль — такая глубокая, что, казалось, в ней можно утонуть.

Лео смотрел на него, и сердце наполнялось острой тоской. Такие удивительные существа — и все погибли...

Он осторожно погладил дракона по шершавой голове, затем обнял его массивную шею. Слова бесполезны. «Мне жаль» — что значили эти два слова перед лицом такой утраты?

Они просидели так довольно долго. Лео медленно водил ладонью по блестящим, мокрым чешуйкам. Дракон тихо напевал какую-то грустную мелодию — едва уловимый звук, похожий на шелест ветра в кронах древних деревьев.

Наконец Лориэнс поднял голову:

— Ты понял, чего тебе надо опасаться?

Лео кивнул. Внутри что-то твёрдое и холодное приняло форму решимости.

— Да. Они играют на слабостях. Используют жажду знаний и чувство превосходства.

— Именно. Твои слабости. Будь внимательным с водой. Она больше, чем ты о ней думаешь. И твоя главная слабость сейчас — внутренний огонь. Он делает тебя заметным для них, как маяк в ночи. Я чувствую — грядёт нечто.

— Хорошо. Я понял. Я научусь его контролировать.

— Вот и отлично. Потому что когда ты отправишься туда, тебе понадобится вся выдержка, на которую ты способен. А я там не смогу тебе помочь. Там свои законы.

Луна поднялась выше, заливая берег серебристым светом. Где-то в лесу прокричала ночная птица, и её голос эхом разнёсся по долине.

— Пойдём обратно? — спросил Лео, поднимаясь.

— Да. Но сначала... — Лориэнс сделал глубокий вдох, и его тело начало сжиматься, уменьшаясь в размерах. Через мгновение на ладони Лео снова лежал маленький дракончик. — Теперь я готов вернуться в браслет.

Лео аккуратно застегнул украшение на запястье. Металл ещё хранил тепло дракона.

— Спасибо, что рассказал, — тихо произнёс он, пригладив взлохмаченные волосы.

— Так нужно. — Лориэнс зевнул. — Теперь ты знаешь, что стоит на кону.

Они двинулись обратно через лес. Листья шептались над головой, лунный свет рисовал на земле причудливые узоры. Лео шёл, обдумывая услышанное.

Где-то впереди ждала неизвестность.

Но теперь он знал: чтобы выжить, нужно укротить свой огонь.

И стать не жертвой — а намерением.

ГЛАВА 14. В ТЕНЕВОМ ПРЕДЕЛЕ

Наступил подходящий день — светила заняли нужное положение. Давид позвал Лео.

— Вот возьми. — Он протянул крошечную, полупрозрачную раковину, похожую на ушную. Тёплую.

— Что это? — Лео покрутил её в руке.

— Следящий моллюск. Я месяц жил у ручья, делился с ним крошками хлеба и каплями вина, пока он не согласился принять мой голос. Чтобы активировать, шепни: «Слышь». Моллюск чуть приоткроется. Он записывает все звуки в радиусе пятидесяти шагов — очищает от шума, оставляет только голоса, шаги, звяканье оружия, ключевые слова. Где бы ты ни был, я услышу.

— Как? — Лео вскинул брови.

— У меня такой же. Прикладываешь к уху — звук идёт не снаружи, а изнутри черепа. Кристально чистый. Но после прослушивания раковину нужно вернуть в чистый родник, иначе она умрёт. И её знание станет ядом для воды.

— Магический сотовый? — рассмеялся Лео.

— Ты возражаешь?

— Нет. Что ты. Спасибо.

Лео спрятал раковину в карман рубашки.

Трое мужчин отправились к месту силы. Путь занял большую часть дня; когда они прибыли, уже вечерело. Солнце садилось, окрашивая мир прощальными вспышками красок. Среди старых, покрытых мхом деревьев высилось древнее каменное сооружение с круглым отверстием в центре.

— Это дольмен, — сказал Давид. — Очень старая штука. Конкретно этот — пространственно-временной портал. Надо активировать. Моя забота. Ты готов, Лео?

Он внимательно оглядел Лео и одобрительно кивнул.

— Помни, что я говорил: оставь все сомнения здесь. Только осознанность и намерение. Твой дух отправится туда. Если не вернёшься — тело застынет и законсервируется.

Давид начертил пентакли и руны на земле и на поверхности дольмена. Огонь пылал ярко, отбрасывая танцующие тени. Все стихии были активированы.

Лео лёг в каменное ложе, формируя чёткое намерение. Он точно знал, чего хочет его сердце, — его стук заглушал все звуки. Волнение было, но страха не было.

Реальность растворялась в тумане. Лео остановил внутренний диалог, и остатки его «я» утонули в пространстве.

Сознание вспыхнуло — и сразу же провалилось в серое пространство. Темнота здесь была не пустой, а... живой. Но непонятной. Очертания менялись, текли, отказывались подчиняться земной логике. Оно не имело привычной трёхмерности. Казалось, пространство то перекручивалось, то тянулось, то сжималось. Тусклый, рассеянный свет без явного источника — серо-серебристый с оттенками бледно-голубого — окружал Лео. Как будто из-под воды. Не было форм. Не было привычной жизни.

«Ищи свет», — прозвучало внутри.

Он попытался двинуться, но не почувствовал ног. Взгляд вниз: лишь свечение. Он был облаком. Сформировав намерение, Лео поплыл к свету — к её свету.

Коридоры, похожие на соты или норы, несли его вперёд. Мимо проносились безжизненные равнины с пульсирующими сферами, нити энергии, сплетённые в геометрические фигуры. Всё было безжизненным, бесцветным, холодным и вибрирующим. Ни ориентиров, ни чего конкретного.

Вскоре он оказался в открытом пространстве. Вдалеке двигались призрачные силуэты: люди, драконы, иные существа, некогда живые, но уродливо искажённые. Их движения были вялыми, а тусклый пепел вокруг говорил, что они не принадлежали миру живых.

«Это они, — мелькнуло в сознании Лео. — Те, о ком рассказывал Лориэнс. Драконы, ушедшие в неорганический мир и не вернувшиеся. Теперь даже имён своих не помнят».

Вокруг них кружили тёмные, вытянутые тени со слабым свечением.

Лео вспомнил уловку Леры с «шапкой-невидимкой» — сферой, скрывающей свет. Он окутал себя непроницаемым коконом. Тени, приближавшиеся к нему, рассредоточились и уплыли прочь.

Сконцентрировавшись на свете, он мгновенно очутился перед стройной фигурой, похожей на тусклую, округлую свечу. Она сидела на камне; в неё вливались тёмные потоки, а наружу истекали мерцающие нити, питавшие огромную энергетическую колонну.

«Лера».

Он подавил волнение и тихо позвал. Призрак открыл затуманенные, полупрозрачные глаза. Она не узнавала его — лишь смотрела без эмоций.

Тёмные тени, почувствовав угрозу, устремились к Лео.

«Спрячься», — прозвучал голос Лориэнса.

Дух Лео отплыл во мрак. Тени окружили его, пытаясь уловить вибрации. Зависли. Вдруг он ощутил зов — его потянуло в сторону.

Перед ним возник силуэт девочки с крыльями бабочки. Из неё потоками уходил свет. Тени облепили её и высасывали свет. Она была маленькой; тонкие ручки потянулись к нему, а в голове вспомнилось: «Спаси её».

Глубокие, несчастные глаза — от них заныло под ложечкой, сжалось сердце. Лео сформировал намерение заблокировать утечку света. Накрыл её своей «шапкой-невидимкой». Девочка-бабочка обняла его — еле тёплая, но ещё живая.

Они вернулись к призраку Леры. Лео собрал всю волю и вновь выразил намерение освободить её. Внутренний свет разгорался, тёмные потоки отступали — но слишком медленно.

Возник страх. Сомнения.

Тени, почуяв всплеск эмоций, бросились на него.

Защитный барьер таял. Тени пожирали рассудок, отражая его собственный страх, усиливая сомнения. От напряжения сознание помутилось, и подавленная ярость хлынула алым светом.

Его поглотила тьма.

Казалось, миллионы мелких тварей разбирают его на части. С каждым укусом он становился легче и слабее. Бабочка прижималась к нему — лишь её слабое тепло напоминало, что

он всё ещё жив. Холод, тревога и странная парализующая привлекательность — всё казалось идеально упорядоченным, хотя и чуждым человеческому разуму.

Лео вспомнил о подарке Давида.

«Помогите! Слышь!» — последнее, что он смог сформулировать, прежде чем сознание начало угасать.

Тени схватили его и бабочку, пригвоздив рядом с призраком Леры. Они образовали треугольник, и потоки странной энергии стали высасывать из него жизнь. Он потерял ощущение времени. Оно застыло.

Вдалеке мерцал свет — приближался с невероятной скоростью.

«Виктор», — пронеслось в угасающем сознании.

«Уходите. Я заменю вас», — голос был жёстким, непререкаемым.

Виктор накрыл их энергетическим куполом, блокирующим чужеродные энергии. Сознание медленно возвращалось.

«Уходите немедленно, иначе все погибнем. Спаси их. Потом вернёшься за мной», — мысленно приказал он.

Лео заколебался, но мощный импульс духовной энергии привёл его в чувство и придал сил. Он создал сферу, объединившую Леру и бабочку, и двинулся по светящемуся лучу, возникшему перед ним.

Свет унёс его с невероятной скоростью.

ГЛАВА 15. ЖЕРТВА РАДИ СПАСЕНИЯ

Лео открыл глаза — яркий свет вокруг. Над ним склонился Давид, в глазах наставника читались грусть, тепло и насторожённость, будто он всматривался в нечто невидимое за спиной ученика.

— Ты очнулся. Как себя чувствуешь?

Лео моргнул. И только потом понял, где он. Оглядевшись, увидел, что лежит в глубокой земляной яме. Он вскочил и сел, хватаясь за утрамбованный край.

— Я умер? — прошептал он, сжимая рукав Давида дрожащими пальцами.

— Нет. — Наставник не отводил взгляда. — Земля забрала негативную энергию, которую ты поглотил. Ты пробыл без сознания пять дней.

— А Лера и бабочка? Что с ними? Где Виктор? Я подвёл их, не справился! Я бесполезен... — голос Лео сорвался, превратившись в хрип.

Давид молча достал два маленьких мешочка. Развернул один — внутри лежал прозрачный белый камень, в котором пульсировал яркий свет.

— Я запечатал дух Леры здесь. Нужно найти тело и вернуть её. А это — бабочка. — Он вынул голубую раковину, и на её краях вспыхнули отблески света. — Ты спас водную сущность из нашего мира. Но это сильно ослабило тебя. Тебе не хватило сил завершить всё.

— Что с Виктором? Это правда, что он пришёл за нами? — Лео сжал кулаки, ногти впелись в ладони.

— Да, это был он. — Давид вздохнул. — Следящий моллюск всё передал. Когда Виктор понял, что ты не справляешься, он отправился за тобой. Он не мог иначе — ты ему как сын. Ты бы тоже не стал колебаться.

Лео закрыл лицо руками. Слезы потекли по бледным щекам, оставляя мокрые дорожки.

— Я его подставил. Это моя вина. Я должен вернуться и спасти...

— У тебя осталось мало сил. — Голос Давида стал твёрдым. — Ты не сможешь помочь ему сейчас, и его жертва станет напрасной. Ты понял, что пошло не так? Тогда восстанавливайся.

Выбравшись из ямы, Лео накинул халат и опустился на колени, прижав ладони к прохладной почве.

— Спасибо, — прошептал он.

Земля ответила глухим гулом, будто далёким эхом.

ГЛАВА 16. ВОДНЫЙ ДУХ

Целый день Лео медитировал, а вечером Давид провёл ритуал, чтобы нормализовать энергетические потоки. Несмотря на улучшение самочувствия, тревога не отступала: где искать тело Леры? Как спасти Виктора?

Когда практики закончились, он попросил у наставника голубую раковину с бабочкой.

— Хочешь вернуть её в реку? — Давид прищурился. — Сходи, раз хочешь. Только будь осторожен с водой. Это не твоя стихия, не доверяй ей полностью. Вода тебя заметила.

Он коснулся пальцами виска, затем сердца — старый кавказский жест, означавший одновременно «береги голову» и «слушай сердце». Лео кивнул — жест был понятен без слов.

«Река, которая кажется спокойной, может хранить в глубине хуньдунь — изначальный хаос, из которого родилось всё. Он затягивает», — вспомнил Лео.

Ночью, с мешочком, в котором пульсировала раковина, он направился к реке с водопадом. Воздух был пропитан запахом мха. Лео присел на холодные камни. Мелодия воды убаюкала — он расслабился и почувствовал, как его обволакивает мягкое течение. Границы тела растворились, и он стал частью блестящего в лунном свете потока. Он поплыл.

«Как в реке Сян, где тонут поэты...» — мелькнула мысль, словно вспомнился урок китайской литературы. И тут же испугался.

— Расслабься, наслаждайся. — Голос в голове шептал мягко, обволакивающе. — Здесь тебе хорошо, а там тебя ждут страдания. Я исполню все твои желания, буду любить тебя. Останься со мной.

Вода стала мягче, нежно обволакивая сознание, как шёлк. Лео ощутил, как воля тает.

— Очнись, Лео! — крик Лориэнса прорвался сквозь липкий, сладкий сон.

Лео вздрогнул. Холод вырвал его из сна. Он лежал на камнях, мокрый и дрожащий. Вода отступила, оставив лишь капли на коже.

Браслет засветился — на ладонь прыгнул маленький дракончик. Мордашка перекошена злобой.

— Ты спятил? Тебя же предупреждали! Ты зачем поверил воде? Её дух уже проник в тебя, ещё чуть-чуть — и мы бы остались её частью навсегда! — Лориэнс царапал когтистой лапкой влажную кожу.

— Ну прости, Лориэнс. Я действительно повёл себя безответственно.

Лео протянул руку, чтобы погладить малыша, но тот оскалился и зашипел.

Опустив ладонь с раковиной в воду, Лео произнёс:

— Выходи. Ты свободна. Я сделал, как ты просила. Больше нас ничего не связывает.

Раковина засияла нежно-голубым светом, но бабочка оставалась в заточении. Когда Лео вытащил ракушку из воды, голубое сияние окутало его, вызвав эйфорию.

Раковина превратилась в лёд, а затем мгновенно растаяла. Красивая бабочка взметнулась вверх, превратилась в юную девушку с крыльями — Вейлу.

— Спасибо, что спас меня. Я хочу отблагодарить тебя. — Она приложила ладонь к его сердцу. На груди появилась маленькая бабочка, растворившаяся в теле Лео. — Останься со мной. Водный мир прекрасен — я всё покажу тебе, расскажу все тайны и секреты, подарю все сокровища. Останься.

Лео тряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Нет. Я не могу. — Он посмотрел ей в глаза. — Сокровище, ради которого бросают свой путь и своих людей, превращается в проклятие. Я знаю эти истории. Я должен найти Леру и Виктора. Мне ничего не надо от тебя.

— Мне жаль их, — тихо сказала Вейлу. — Но я уже часть тебя. Мы связаны, Лео. Зови, когда захочешь — я у твоего сердца.

Она превратилась в тонкую серебряную нить и втекла в область сердца.

Лео приложил руку к груди.

— И что я наделал? — прошептал он.

Впереди ждали новые испытания. Но пока он знал одно: он должен спасти тех, кого любит.

ГЛАВА 17. ОБЩАГА ДЛЯ СУЩНОСТЕЙ

Лео брёл по тёмной лесной тропе, прислушиваясь к новым, непривычным ощущениям в теле. Его мучил вопрос: правильно ли он поступил, спасши бабочку? И чем теперь это обернётся?

Он чувствовал себя словно общежитие для существ, которые были далеко не в восторге от такого соседства.

«Так можно и с ума сойти, — подумал он. — Разговаривать со всеми по очереди. Это же шизофрения! Думаю, именно этот диагноз поставил бы психиатр. Фэнь-ли ши жэнгэ — синдром разделения личности».

Он вспомнил сухой китайский термин из какой-то статьи. Звучало так научно и безжизненно для того, что он переживал наяву.

«Нет, мой случай не подходит ни под DSM-V, ни под учебники традиционной китайской медицины. Это что-то третье. Не раздвоение. Теперь уже и расстройство — с учётом молчащего голубя. Да, теперь у меня три субличности, не считая меня...»

Он хмыкнул своим мыслям.

«Расскажи мне кто-нибудь раньше нечто подобное — что бы я сказал? Ответ очевиден. Но, к сожалению, это моя реальность, а не галлюцинации воспалённого мозга. Больница с пилюлями, сеансы психотерапии, да хоть лечение током — не помогут!»

«Надо рассказать всё Давиду. Тот точно вздохнёт, посмотрит поверх головы куда-то в горы, а потом спросит: «И что, джигит, твоя голова теперь для гостей, как дом для путников? Каждому найдёшь место у очага?» И будет прав...»

Лео усмехнулся. Давид точно знает больше, чем говорит. Он ведь предупредил о воде, но Лео опять был беспечен — и теперь у него тату с бабочкой на груди.

«Вот засада — не разденешься на людях. Как-то не по-мужски. Хотя у Виктора, помнится, был иероглиф «терпение»... Но это солиднее».

«Дракон — другое дело. Думаю, Лориэнс ещё устроит мне взбучку: он ведь просил избавиться от этой водной сущности, а я... что сделал? Почтеннейше разместил у себя на груди. Теперь на другой стороне сделать голубя — и полный порядок...»

«Жесть...»

ГЛАВА 18. ЕЖЕВИЧНОЕ ВИНО

Лео не заметил, как тропа сама легла под ноги, будто знала дорогу лучше хозяина.

Давид сидел во дворе на своём любимом пне — широком, стёртом годами, с корой, стёртой до гладкости бесчисленными посадками. Он потягивал ежевичное вино из глиняной кружки, шурился на закат и казался частью этого вечера — такой же тёплый, неторопливый, мудрый.

Седые кудри падали на лоб, борода была слегка взлохмачена ветерком. Давид поправил её широкой ладонью, провёл пальцами по усам, смахивая несуществующую крошку, и жестом указал на место рядом.

— Проходи. Я вот откопал кувшин и жду тебя.

На маленьком столике из неструганых досок стояли закуски: сыр, мясо, фрукты. Пахло так, что у Лео свело скулы — по-домашнему, сытно, от забытого уюта.

Он тяжело опустился на соседний пенёк. Древесина была тёплой, нагретой за день солнцем. Лео провёл ладонью по шершавой поверхности, чувствуя каждую трещинку.

«Пахнет вкусно, но так хочется острой лапши с речными улитками. Да просто острой лапши. Вспомнить вкус дома в Китае. Никогда не думал, что соскучусь по Юмин и её стряпне».

Он мотнул головой, откидывая чёлку с лица. Волосы упали обратно — он снова откинул, резче, будто пытаясь стряхнуть вместе с ними и тоску.

— Почему грустный? — Давид прищурился, вглядываясь в его лицо. В уголках глаз собрались лучики морщин.

— Вспомнил о доме. — Лео слабо улыбнулся.

— Вот вернёшься, я сам тебе лапшу сделаю. — Давид хлопнул ладонью по столу, отчего подпрыгнули ягоды в миске. — А как ты раньше находил решения в сложных ситуациях?

Он подался ближе, упёршись локтями в колени. Глаза его — молодые, живые, несмотря на возраст — смотрели внимательно, почти пронзительно.

— Играл с братом, — тихо отозвался Лео. Он потянулся к кружке, повертел в пальцах, разглядывая игру света на глине. — В вэйци.

— В шашки?

— Нет. Это сложнее. — Лео поставил кружку, провёл пальцем по воображаемой линии на столе. — Это... как строить Вселенную по кирпичикам. Или вести холодную войну на пустом поле. Каждый ход меняет всё.

— Холодную войну, — хмыкнул Давид. Он поднялся, хрустнув коленями, и прошёл в дом. Вернулся с массивной деревянной коробкой, покрытой тёмным лаком.

— У нас на Кавказе предпочитают войны горячие. И быстрые. — Он открыл крышку, обнажив раздвоенную доску с перламутровой инкрустацией. — Знакомо?

Лео подался вперёд, разглядывая треугольники — «зубцы» и шашки двух цветов. Провёл пальцем по бархатной обивке лунок — мягкой, чуть ворсистой.

— Нарды, — сказал он. — Тут многое решают кости — как лягут.

— Зары, — поправил Давид, уже расставляя шашки. Его движения были быстрыми, привычными — пальцы сами находили нужные ячейки. — И да, удача — тоже игрок. Но только для того, кто не умеет ей воспользоваться. В твоей игре нет места случайности?

— В вэйци? — Лео слабо улыбнулся. — Только если считать случайностью ошибку собственного ума. Там ты не борешься с падением костей. Ты борешься... с самим собой. Со своей жадностью, страхом, недалёковидностью.

— Звучит утомительно, — рассмеялся Давид. Он встряхнул кожаный стаканчик с зарами — глухой стук костей отозвался в тихой комнате, смешиваясь с треском дров в очаге. — А здесь — встряхнул, бросил, и жизнь уже изменилась. Принимай, думай быстро, действуй ещё быстрее. Иногда нужно позволить миру сделать свой ход. А уже потом показывать ему, кто здесь хозяин положения.

Он протянул стаканчик Лео. Тот взял — и удивился тяжести. Кости внутри перекатывались с глухим, живым звуком. Голоса слепой судьбы, которой нет в выверенной тишине вэйци.

Лео посмотрел на доску. Их фигуры уже стояли напротив друг друга, разделённые лишь узкой полосой. Он встряхнул стаканчик, чувствуя, как кости бьются о стенки, и метнул их на доску.

Сухой, решающий стук.

— Пять и два, — произнёс Давид. В его глазах вспыхнул азартный огонёк — совсем молодой, мальчишеский. — Видишь? Удача дала тебе ход. Теперь покажи, что ты можешь с этим сделать. Твой ход, ученик.

Лео перевёл взгляд с костей на позицию своих шашек. Другой мир. Не медленное возведение храма, а стремительная переправа через бурную реку, где каждое движение зависит и от расчёта, и от следующего броска, который не предскажешь.

Он протянул руку к шашке.

Впервые за весь вечер он не думал о Лере.

Давид налил ему вино в резной рог — тёмное, густое, с сизым отливом на свету.

— Это особый напиток. — Давид подал рог, и Лео взял, ощутив прохладу. — Он поможет прояснить мысли и чувства. Вытащит наружу всё, что ты тщательно скрываешь от самого себя.

Лео пригубил. Вино оказалось удивительно вкусным — с тонким ароматом лесной ягоды и трав, с лёгкой горчинкой, которая приятно щипала язык. Густой, насыщенный вкус обволакивал, спускался внутрь, согревая и освежая одновременно.

Тело расслабилось быстро. Лео почувствовал, как тяжелеют веки, как тепло разливается по рукам, делая пальцы мягкими и податливыми. Он откинулся на спинку скамьи, запрокинул голову, глядя в темнеющее небо.

Было приятно. Спокойно. Впервые за долгое время.

Давид молча наблюдал за ним, изредка подливая вино. Дрова в каменном очаге потрескивали — мерные, уютные звуки. Языки пламени отражались в карих глазах Лео, плясали, успокаивали.

Он снова расслабился — но не как в воде. Это было его родное состояние. Внутренний огонь не бушевал, не был подавлен. Он просто горел. Ровно. Тепло.

— Тебе хорошо? — спросил Давид. Голос его звучал откуда-то издалека, но отчётливо.

— Да, — Лео улыбнулся — расслабленно, по-настоящему. — Как ни странно, очень. Хотя я почти не пью.

— Расскажи мне, что хотел.

Лео помолчал, собираясь с мыслями. Потом провёл рукой по лицу — ото лба к подбородку, словно стирая усталость.

— Я не послушал тебя. — Он открыл глаза, посмотрел на Давида сквозь упавшую на глаза чёлку. — Вода меня унесла. Лориэнс вытащил.

Давид кивнул, не перебивая.

— Ты ведь знаешь про моего дракона? — Лео приподнял руку с браслетом. — Хочешь, позову его?

— Нет, пока не стоит. — Давид покачал головой, поглаживая бороду. — Он линяет. Ещё не готов себя явить. Это гордые существа. Если позвать сейчас, он будет смущён и зол. Надо уважать их. Относиться с должным почтением.

Лео кивнул, принимая.

— А ещё... — он запнулся, прижал ладонь к груди. — Там, в воде, я спас одну. Бабочку. Вейлу. И теперь она... — он не договорил, просто постучал пальцами по тому месту, где под рубашкой билось сердце.

Давид понимающе кивнул.

— Я чувствую. В тебе прибавилось влажности. — Он усмехнулся в усы. — Ладно. Завтра поговорим. А сейчас — допивай и спать. Утро вечера мудренее.

Лео послушно допил вино. Тёплая тяжесть разлилась по телу, мысли замедлились, стали вязкими и мягкими.

Он поднялся, шагнул к дому, но на пороге остановился. Оглянулся на Давида — тот сидел всё так же, у огня, и смотрел на звёзды.

— Спасибо, — сказал Лео.

Давид не ответил. Только махнул рукой — иди, мол, отдыхай.

ГЛАВА 19. ПРОБУЖДЕНИЕ ПРАВДЫ

Лео проснулся от странного ощущения — будто кто-то гладит его изнутри. Нежно, осторожно, но настойчиво.

Он открыл глаза. В комнате было серо — раннее утро только начинало пробиваться сквозь плотные шторы. Где-то за окном пела птица — заливисто, радостно, будто не было никаких теней, никаких миров, никакой тоски.

Лео приподнялся на локте и замер.

На груди, там, где вчера билась бабочка, теперь пульсировал едва заметный голубоватый свет. Он то разгорался, то угасал — в такт дыханию.

— Ты проснулся? — голос Вейлу прозвучал прямо в голове, но не резко, а мягко, как плеск воды.

— Ты... — Лео провёл пальцами по груди. Кожа была тёплой, но не горячей. — Ты теперь всегда будешь там?

— Я часть тебя. — Вейлу вздохнула — этот вздох отдался лёгкой дрожью в груди. — Но я не буду мешать. Я просто... буду.

Лео откинулся на подушку, глядя в потолок.

«Общага», — подумал он. И сам усмехнулся этой мысли.

— Ты чего там лыбишься? — раздался в голове уже другой голос — ворчливый, сонный. Лориэнс явно только что проснулся и был не в духе.

— Доброе утро, — мысленно ответил Лео.

— Доброе? — дракон фыркнул. — Ты впустил в себя водную дрянь, у тебя теперь в грудной клетке плещется неизвестно что, а ты говоришь «доброе»?

— Она не дрянь. — Лео приложил ладонь к груди, защищая. — Она живая. И она просила помочь.

— Они все просят помочь, — буркнул Лориэнс. — А ты — гостиница. Бесплатная.

Лео хотел возразить, но в дверь постучали.

— Вставай, соня! — голос Давида был бодрым, несмотря на ранний час. — Завтрак стынет, а разговоры ждать не будут.

Лео сел, потёр лицо ладонями. Вчерашнее вино оставило после себя не похмелье, а странную лёгкость — будто кто-то смазал все шестерёнки в голове маслом.

Он накинул рубаху, вышел во двор.

Утро встретило его прохладой и птичьим гомоном. Давид сидел за тем же столом, на том же пне — будто и не ложился. Перед ним дымилась миска с кашей, рядом стоял кувшин с травяным настоем.

— Садись, — кивнул Давид. — Ешь. И рассказывай.

Лео сел. Зачерпнул ложку каши — она оказалась неожиданно вкусной, с мёдом и орехами.

— Я не знаю, с чего начать, — признался он.

— С начала, — Давид отхлебнул из кружки. — Ты спас бабочку. Теперь она в тебе. Дракон злится. Вода манит. Что ещё?

Лео замер с ложкой у рта.

— Откуда ты...

— Я старый, — перебил Давид. — И я жил у воды. Я знаю её голос. И я вижу, как в тебе борются огонь и вода. — Он отставил кружку, подался вперёд. — Слушай меня внимательно, Лео. Ты не должен выбирать.

— Что?

— Ты не должен выбирать между огнём и водой. — Давид говорил медленно, чеканя каждое слово. — Если выберешь огонь — вода будет точить тебя изнутри, пока не источит. Если выберешь воду — огонь сожжёт тебя в попытке вырваться. Ты должен научиться держать их вместе.

— Как? — Лео отложил ложку. — Они же... они разные. Они враждуют.

— Враждуют, пока ты позволяешь им враждовать. — Давид провёл рукой по воздуху, будто рисуя невидимую линию. — Представь себе котёл. Внизу — огонь. В котле — вода. Огонь греет воду, вода становится паром. Пар движет механизмы. Понимаешь?

Лео нахмурился, пытаясь уловить мысль.

— Огонь и вода не должны уничтожить друг друга, — продолжил Давид. — Они должны работать вместе. Тогда у тебя появится сила, которой нет ни у кого.

— Пар, — тихо сказал Лео.

— Пар, — кивнул Давид. — Ты не зря спас эту бабочку. Ты не зря носишь дракона. И голубь твой не зря молчит — он ждёт, когда ты станешь достаточно мудр, чтобы услышать его.

Лео опустил глаза в миску. Каша остывала, но ему вдруг стало жарко.

— А Лера? — спросил он. — И Виктор?

— Им нужен не тот Лео, который разрывается на части, — твёрдо сказал Давид. — Им нужен тот, кто собрал себя заново. Кто стал целым. Кто несёт в себе и огонь, и воду, и небо, и землю.

Он встал, подошёл к Лео и положил руку ему на голову — тяжёлую, тёплую ладонь.

— Ты справишься, — сказал он. — Я вижу. А теперь доедай. У нас много работы.

ГЛАВА 20. ЗВЕРЬ СИЛЫ

На следующее утро Лео проснулся в липком поту, хотя в доме царила приятная прохлада — небо только посветлело, и каменные стены ещё хранили ночной холод. Он сел на лежанке, провёл ладонью по лицу — кожа была липкой, влажной. Пальцы дрожали.

Обрывочные воспоминания из прошлой жизни терзали сознание, словно острые когти. То Жилан, превращающаяся в волчицу, то Шенли, падающий с неба, то принцесса Мейли на краю обрыва... Они смешивались, накладывались друг на друга, и Лео не мог понять, где его память, а где чужая боль.

Давид уже хлопотал у очага. Седые кудри были перехвачены тонким ремешком, борода расчёсана. Он помешивал что-то в глиняном горшке, и запах травяного чая заполнял комнату — терпкий, чуть горьковатый, успокаивающий.

— Доброе утро. — Давид обернулся, прищурился, вглядываясь в лицо Лео. — Вижу, ты не в духе. Плохие сны?

— Доброе. — Лео спустил ноги с лежанки, поёжился от утренней прохлады. — Да, воспоминания из прошлого не дают покоя.

Он потёр красные, воспалённые глаза. Веки опухли, под глазами залегли тени — ночь выдалась тяжёлой.

— Умойся. — Давид кивнул на рукомойник в углу. — Я помогу восстановить силы.

Лео плеснул в лицо ледяной водой из глиняного кувшина. Резкий холод обжёг кожу, прогнал остатки сна. Он растёр лицо ладонями, провёл мокрыми пальцами по волосам, откидывая назад мокрую чёлку. Стало легче.

Завтрак состоял из свежих фруктов, зелени и ломтя поджаренного на углях хлеба. Лео набросился на еду с неожиданным аппетитом — организм требовал своё, несмотря на душевную смуту.

Внезапно он отодвинул миску и резко поднялся:

— Пошли. Я готов.

Давид даже бровью не повёл. Только усмехнулся в усы, допил свой чай и неспешно поднялся, хрустнув коленями.

— Сначала перекурим, — сказал он и направился к древнему дереву во дворе.

Лео замер, широко раскрыв глаза:

— Что? Ты же не куришь...

Давид рассмеялся — гулко, от души, запрокинув голову. Борода его тряслась, глаза блеснули.

— Разве стал бы я, старый горец, предлагать дурман? — Он перестал смеяться так же внезапно, как начал, и стал серьёзным. — Нет. Это дым чистого утра. Он не для удовольствия. Он для правды.

Он присел на корточки под деревом, расставил на плоском камне небольшую бронзовую курильницу — потемневшую от времени, с искусной чеканкой. Движения его были точными, выверенными, как у человека, который делал это тысячу раз.

— Твоя кровь помнит не только боль, Лео. — Давид ловким движением руки, похожим на то, как разводят очаг, уложил смесь в курильницу. — Она помнит запах священных курений в храмах, где искали пути к силе духа. Это — скромный родственник тех благовоний. Он не призовет богов. Он призовет тебя — к самому себе.

Смесь, попав в курильницу, издала лёгкий, похожий на шёпот треск. И тут же потянулся дым — густой, пряный, пахнувший одновременно кедровой смолой, сушёной полынью и чем-то неуловимо чужим. Будто пылью с лунной дороги. Будто временем, застывшим в янтаре.

— Дыши ровно. — Голос Давида стал тише, но от этого только проникновеннее. — Ни о чём не думай. Останови внутренний диалог. Я уже сформировал намерение. Теперь твоя очередь.

Лео опустил на траву, скрестив ноги. Закрыл глаза.

— Представь, что твоё дыхание — это нить, а твоё тело — игла. — Слова Давида падали в тишину, как капли в глубокий колодец. — Ты должен прошить этой нитью все слои: шум сегодняшнего утра, воспоминания прошлой ночи, тревогу за Леру, даже мои слова. Прошей их насквозь и выйди в тишину за ними. Там и будет твой зверь.

Лео дышал. Вдох — дым щекочет ноздри, горчит на языке. Выдох — тело тяжелеет, корнями уходит в землю. Вдох — в висках начинает пульсировать, но это не боль, а скорее давление, будто кто-то осторожно раздвигает границы сознания. Выдох — тишина становится плотной, осязаемой.

Он слышал, как тихо тлеет смесь в курильнице — едва уловимый шелест, похожий на шёпот сухих листьев. И этот звук стал единственной точкой в растущей внутренней тишине.

— Нам пригодится это. — Голос Давида вынырнул откуда-то издалека.

Лео приоткрыл глаза. Давид достал из кармана своей неизменной черески крошечную деревянную клеточку — улей, искусно вырезанный из цельного куска дерева. Внутри, сквозь частые прутья, золотилась пчела. Чуть крупнее обычной, с брюшком, переливающимся, как мёд на солнце.

— Пчела? — Лео моргнул, возвращаясь в реальность.

— Да. — Давид поднёс клеточку к свету, и пчела внутри зашевелилась, зажужжала тонко, почти неслышно. — Я назвал её пчела-манна. Надо достать и сказать: «Голоден». Пчела облетит владельца три раза и сядет на плечо. Оттуда она начнёт выделять крошечные капли густого, ароматного вещества. Одна капля на язык утоляет голод и жажду на полдня, даёт лёгкость в теле и ясность ума. Не пища, а концентрат питательных сигналов для тела.

— И много у тебя таких штуковин? — Лео невольно улыбнулся.

— Достаточно. — Давид усмехнулся в бороду и спрятал улей обратно. — Но каждая капля — это день жизни пчелы. Используя её тридцать раз, ты получишь мёртвую, высохшую букашку. Поэтому я всегда ношу с собой три пчелы и возвращаю их в улей для отдыха после десяти использований.

День выдался знойным. Даже в тенистом лесу чувствовалась духота — тяжёлая, влажная, какая бывает перед долгим дождём. Воздух, густой и липкий, облеплял кожу. Птицы притихли, только где-то далеко настойчиво куковала кукушка.

В лесу царил умиротворённая тишина, нарушаемая лишь хрустом веток под ногами да собственным тяжёлым дыханием. Пахло мхом, грибами и приближающейся грозой — тем особенным, электрическим запахом, от которого слегка покалывает в носу.

Внезапно Лео остановился. Заметил странное свечение деревьев — нет, не свечение, скорее отклик. Будто лес узнавал их, провожал взглядом, указывал путь. Чем дальше они шли,

тем ярче становился этот свет — мягкий, зеленовато-золотистый, струящийся по коре, как жидкий янтарь.

— Нам туда, — уверенно указал Лео на древний бук.

Дерево было исполином. Его ствол, в несколько обхватов толщиной, уходил высоко в небо, теряясь в кроне. В стволе зияла огромная трещина — вертикальный разлом, похожий на вход в пещеру. Могучие корни, толщиной с руку, напоминали гигантских змей, выползших на поверхность земли.

Лео протянул ладонь к коре и замер. От дерева исходили потоки энергии — одни поднимались от корней, от земли, другие спускались из кроны, от неба. Они переплетались, пронизывали друг друга, и Лео чувствовал это каждой клеткой.

В глубине трещины пульсировал огонёк.

Сначала маленький, робкий. Потом он начал расти, разгораться, обретая форму. Светящаяся белка — да, именно белка — выбралась из трещины и повисла на стволе вниз головой, цепляясь крошечными коготками за кору. Шерсть её переливалась, струилась, будто сотканная из лунного света и утренней росы.

Зверёк посмотрел на Лео чёрными бусинками глаз. Потом отпустил лапки и завис в воздухе прямо перед его лицом.

Инстинктивно Лео протянул руку. Белка не колебалась — перебралась на его ладонь, тёплая, почти горячая, и скользнула по руке, за плечо, в рюкзак.

Лео обернулся к Давиду. Тот стоял молча, прислонившись к соседнему дереву, и одобрительно кивнул. В глазах его светилось что-то — может, гордость, может, облегчение.

Обратный путь они проделали в молчании. Слова были лишними.

Дома Лео, поколебавшись, протянул рюкзак учителю. Рука дрогнула.

— Я что, должен съесть эту белку?

— Нет. — Давид покачал головой, поглаживая бороду. — Но принять её дар придётся.

— Но она же живая!

— Её время пришло. — Голос Давида был мягким, но в нём чувствовалась та же неумолимость, с какой приходит рассвет. — Посмотри сам.

Лео заглянул в рюкзак. На дне, среди старых листьев, лежало серебристое тельце. Шерсть переливалась всеми цветами радуги — синим, зелёным, золотым, — и это свечение было тёплым, живым, хотя сама белка уже не дышала.

Лео осторожно погладил мягкий мех. И тут же отдёрнул руку — по пальцам пробежал электрический разряд, лёгкий, но ощутимый, будто белка попрощалась с ним искрой.

— Поблагодари зверя за дар, — тихо сказал Давид.

С тяжёлым вздохом Лео произнёс слова благодарности. Они прозвучали глухо, неуклюже, но он чувствовал — его слышат.

Давид протянул ему рог с ежевичным вином. Лео сделал глоток, потом ещё один. И только потом, зажмурившись, отправил в рот кусочек мяса.

Оно неожиданно легко скользнуло в желудок — без усилий, без отвращения, будто само нашло дорогу.

«Может, Давид просто надо мной издевается? — пронеслось в голове. — Надышался какой-то дряни, вот и кажется, что белка волшебная».

— Ты идиот не потому, что съел белку, — раздался голос Давида, спокойный и чуть насмешливый, будто он действительно читал мысли. — А потому, что блокируешь силу. Позволь ей помочь.

И в тот же миг по телу разлилось тепло. Не жар, а именно тепло — густое, как жидкое золото, текучее, проникающее в каждую клетку. Оно заполнило пустоты, о которых Лео даже не подозревал, согрело то, что давно остыло.

— Я чувствую! — выдохнул он, распахнув глаза.

Давид усмехнулся, поправил съехавшую на лоб папаху.

— Вот видишь. Даже мёртвые белки могут быть полезны. Просто нужно правильно их готовить.

Лео хотел возмутиться, но вместо этого рассмеялся. И смех этот оказался лёгким, освобождающим.

ГЛАВА 21. СПАСЕНИЕ ВИКТОРА

Уже вскоре Лео стоял у дольмена, в котором лежало тело Виктора, и смотрел на бледное, спокойное лицо. Крупный, здоровый мужчина словно спал — но сон этот был слишком глубокий, слишком пуст. Души в нём не было.

— Держись, Виктор, — прошептал Лео, и голос его дрогнул. — Я скоро приду за тобой. Мы вернёмся домой.

Он протянул руку и коснулся безжизненной ладони. Кожа была прохладной, но не ледяной — жизнь ещё теплилась в могучем теле. Сильный дух Виктора сопротивлялся тем паразитическим сущностям, что пожирали свет его жизни.

Лео смотрел на это лицо — такое родное, такое знакомое — и в груди разрасталась тупая, ноющая боль. Виктор был не обычным воином. Он был воином духа. Всю жизнь с достоинством переносил тяготы нелёгкой судьбы, оставаясь добрым, заботливым, весёлым. Никогда не жаловался. С ним всегда ощущалось удивительно легко.

«Это я виноват, — подумал Лео, и мысль эта впиалась в сердце острой занозой. — Если бы я не был таким слабым в первый раз, если бы справился сам... Он бы не пошёл за мной».

Он сжал безжизненные пальцы Виктора, пытаясь передать хоть каплю своего тепла.

— Я всё исправлю, — сказал он твёрдо. — Ты потерпи ещё немного, ладно? Совсем чуть-чуть.

Верные псы лежали рядом, положив морды на вытянутые лапы. Луна и Марс не отходили от хозяина ни на шаг все эти дни. Шерсть у обоих свалилась, глаза ввалились — они почти не ели, только пили воду и несли свою стражу. При появлении Лео Марс поднял голову и тихо, жалобно заскулил, словно спрашивая: «Ну когда? Когда он вернётся?»

Лео погладил пса по голове, провёл пальцами по жёсткой шерсти за ухом.

— Скоро, мальчик. Я приведу его.

Он резко выпрямился и, не оглядываясь, быстрым шагом направился к другому дольмену. Давид уже всё подготовил для очередного путешествия духа.

— Ты точно готов? — спросил Давид. В руках он держал курительницу с дымком — лёгким, почти незаметным, но Лео узнал тот же пряный запах, что и вчера.

— Теперь — да. — Голос Лео звучал сухо, отрывисто.

Он посмотрел на Давида, и тот кивнул — увидел то, что хотел. Лицо Лео было полно решимости. Тело наполнено силой, внутренний огонь горел ровно, не бушуя, вода внутри плескалась спокойно, не пытаясь утопить. Баланс. Впервые за долгое время — настоящий баланс.

Лео забрался внутрь дольмена. Камень был прохладным, шершавым — он прилёг на спину, глядя в круглое отверстие, где виднелось бледное утреннее небо.

Закрыв глаза.

В голове осталось лишь одно намерение, чёткое и острое, как лезвие клинка: спасти Виктора.

Всё стихло.

Дух устремился сквозь пространство.

На этот раз Лео сохранял осознанность всё время. Он не терял контроля, не распадался на части — просто плыл в сером, безжизненном пространстве, быстро, уверенно, как рыба в родной воде. «Шапка-невидимка» была при нём — плотный кокон, скрывающий его свет от

неорганических теней Теневого Предела. Они пронеслись мимо, не замечая, слепые и голодные.

Намерение вело его, как путеводная нить. И наконец притянуло к Виктору.

Лео замер.

Картина, открывшаяся ему, была чудовищна.

Некогда богатырской силы и стати мужчина превратился в тень. Измученный, истощённый дух висел в пустоте, и взгляд его — пустой, бесцельно блуждающий — ничего не осознавал. Энергетические потоки, тусклые, выцветшие, переливались из него к огромной световой колонне, питая её. Тёмные ленты теневой энергии обвивали его со всех сторон, впивались в плоть духа, пропитывали его насквозь.

У Лео подкатил ком к горлу. Стало тяжело дышать — хотя какое дыхание может быть там, где нет тела? Но ощущения были вполне реальными. Грудь сдавило, сердце (или то, что его заменяло) забилося часто-часто.

«Ты вспомнил, — прозвучал в голове голос Лориэнса. — Законы этого мира другие. Здесь боль может быть реальнее, чем в теле. Не расслабляйся».

Лео глубоко вздохнул — мысленно, усилием воли — и взял себя в руки.

Он сформировал поток энергии — разрушающую негатив формацию. Это было сложно — концентрация требовала колоссальных усилий, но баланс внутри помогал. Огонь и вода работали вместе, не мешая друг другу.

Тёмные ленты, опутывавшие Виктора, дрогнули, затрепетали и начали плавиться, растворяться в сером свете. Лео не давал им времени опомниться — одно за другим, быстро, чётко.

А затем накрыл истощённый дух Виктора защитным куполом.

И рванул по спасительному лучу домой.

Очнувшись в своём теле, Лео открыл глаза и сел. Дыхание было тяжёлым, лоб покрыт испариной. Сердце колотилось где-то в горле.

Рядом стоял Давид, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Получилось? — спросил он тихо.

Лео кивнул. И вдруг замер.

«Всё удалось, — подумал он. — Без баталий. Без проблем. Стопроцентный успех».

Он должен был радоваться. Ликовать. Прыгать от счастья.

Но внутри, где-то глубоко, червь сомнения точил, точил, точил.

«Почему так легко? — шептал этот червь. — В прошлый раз тебя чуть не сожрали. А сейчас — просто пришёл, забрал и ушёл? Они что, не заметили? Или...?»

Лео мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Я рад, что вы оба вернулись, — сказал Давид, и в голосе его звучало тепло. — Пойдём к Виктору. Ему теперь потребуется много энергии и заботы.

Они пошли к дольмену, где лежало тело. Уже издали Лео услышал беспокойный лай.

Собаки метались вокруг каменного сооружения. Луна то подбегала к входу, то отскакивала и принималась выть — тонко, тревожно. Марс скрёб лапами землю, рыл, будто пытался достать что-то.

— Что с ними? — Лео ускорил шаг.

Давид нахмурился. Складка пролегла между бровей, пальцы сами собой потянулись к бороде, теребя седой волос.

— Не знаю. Но мне это не нравится.

Он остановился в десятке шагов от дольмена, выпрямился во весь рост и рывкнул:

— Сидеть!

Голос его прозвучал низко, раскатисто, как гром в горах. Эхо разнеслось по округе, замелось между деревьями. Даже птицы, щебетавшие где-то в кронах, моментально умолкли.

Собаки застыли. Припали к земле, дрожа, но не смея послушаться. Только тихое поскрипывание выдавало их тревогу.

Давид подошёл к дольмену, заглянул внутрь. Лео последовал за ним.

Тело Виктора лежало всё так же неподвижно. Но Лео почувствовал — присутствие вернулось. Душа была на месте.

— Надо положить его в земляной гроб, — сказал Давид. — Надеюсь, земля справится с остатками тёмной энергии.

Они осторожно перенесли бесчувственное тело. Земляная яма была готова — хитроумная конструкция, похожая на могилу, но с вентиляцией. Давид объяснял, что так земля вытягивает негатив, не давая ему закрепиться.

Они уложили Виктора, присыпали землёй, оставив открытым только лицо. Лео смотрел, как комья сырой, пахнущей прелью почвы ложатся на грудь названного отца, и внутри всё сжималось.

«Только бы помогло».

Луна и Марс, получив разрешение, тут же легли рядом с ямой. Они выглядели измученными — исхудавшие, с тусклой шерстью, но не уходили. Марс положил голову на край ямы и тихо заскулил, глядя на хозяина.

Лео присел рядом, погладил густую рыжую шерсть кобеля. Пальцы утонули в мягком подшёрстке, нащупали худые рёбра.

— Ну что с вами, ребята? — тихо сказал он. — Ведь уже всё хорошо. Хозяин вернулся. Скоро очнётся. Не переживайте так.

Марс поднял на него глаза — обычно добрые, преданные. Сейчас в них светилось волнение, почти паника. Он тихо, жалобно рыкнул, лизнул руку Лео мягким языком.

И эта тревога передалась Лео.

Он и сам чувствовал усталость — глубокую, выматывающую. Не каждый день путешествуешь в чужой, враждебный мир и вытаскиваешь оттуда души.

Но тревога была сильнее усталости.

«Почему так легко?» — снова шепнул червь.

Лео посмотрел на небо. Оно было чистым, безоблачным.

Слишком чистым.

ГЛАВА 22. ПОЛЁТ НА ДРАКОНЕ

Хорошо поев, Лео ощутил острую потребность искупаться в реке — ощущение энергетической грязи, оставшейся после Теневого Предела, сильно напрягло. Липкий холод под кожей никак не хотел уходить.

Давид был молчалив и задумчив; впрочем, таким он бывал довольно часто. Сидел на своём пне, смотрел куда-то в горы, и пальцы его машинально перебирали чётки — старые, деревянные, стёртые до гладкости годами.

— Я на реку, — сказал Лео.

Давид лишь кивнул в ответ, не оборачиваясь.

Река встретила его ровным гулом и запахом влажных камней. Лео присел на большой валун у самой воды, смотрел, как лунный свет дробится на быстрых струях, и постепенно успокаивался. Дышалось здесь легко. Свободно.

— А ты не хочешь меня пригласить искупаться? — раздался в голове голос, полный обиды и сарказма. — Или ты вообще забыл о Непревзойдённом?

Лео улыбнулся.

— Выходи. Вот не поверишь, но я соскучился по тебе.

— Да ладно? — Голос дракона стал ещё язвительнее. — А как же твоя новая пассия — бабочка, с которой ты мне изменяешь? Что, вспомнил про меня?!

— Лориэнс де Астор, призываю.

Браслет нагрелся, засветился — и на ладонь лениво выполз маленький дракончик. Он выпустил струйку дыма, зашипел и отвернул морду. Характер у него правда оставлял желать лучшего.

— Чего тебе надо? Зачем потревожил?

— Вот это наглость! — Лео не сдержал смеха. — Ты сам попросился искупаться, а теперь всё сваливаешь на меня?

— А ты как хотел? — Лориэнс наконец повернулся, и в янтарных глазах сверкнула обида. — Мне размяться не помешало бы. Моя чешуя восстановилась, и я хочу полетать. А тебя не возьму: пусть твоя хилая бабочка тебя носит на своих тщедушных крылышках. У вас с ней любовь, а я так... случайно мимо пролетал. И меня никто не любит.

Малыш выдавил из себя слезинку — совершенно театральную, но оттого не менее эффектную — и, отвернувшись, вытер её маленькой когтистой лапкой.

Лео развёл руками:

— Вот это манипуляция! Но ты не прав: я очень рад, что ты у меня есть. Нет, мне невероятно повезло, что такой величественный и неповторимый дракон есть именно у меня. Я сам себе завидую.

— Ладно, — Лориэнс прищурился, явно наслаждаясь ситуацией. — Принимаю твой подхалимаж! Давай, разомнём крылья — я уж и забыл, как это было.

Он скользнул в воду — и через минуту вода забурлила, расступаясь перед величественным драконом. Лориэнс поднялся во всей красе: чешуя переливалась тёмным золотом и серебром, крылья, сложенные за спиной, казались огромными, глаза горели янтарём.

— Садись на спину, — произнёс он и расправил крыло перед Лео, как трап.

— Я и не думал, что такое может случиться со мной наяву! — выдохнул Лео.

— Давай же, не трусь. Я не причиню тебе вреда.

Лео осторожно взобрался по крылу на широкую, мощную спину. Чешуя была тёплой, гладкой, но не скользкой — он устроился поудобнее, обхватив шею дракона руками.

Мысленно он усмехнулся, представив, как удивились бы родные и друзья, узнай они, чем он занимается в отпуске.

«Как прошёл отдых?»

«Да так, ничего особенного. Летал на драконе, перемещался в пространстве в другой мир, поглотил дохлую белку силы. Ну, в общем, как все...»

— Ты закончил свои рассуждения? — голос Лориэнса вырвал его из мыслей. — Полетели.

Он расправил огромные крылья — они закрыли полнеба, заслонили звёзды. Оттолкнувшись мощными лапами от земли, дракон взмыл в воздух.

Ночной пейзаж захватывал дух.

Лориэнс мчался с невероятной скоростью, но ветер не бил в лицо — он обтекал, ласкал, ерошил густые волосы Лео. Звёзды были настолько близкими, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Неполная луна сияла с небывалой яркостью — адреналин окрасил мир в сказочные тона.

— Держись! — крикнул Лориэнс, начиная вертикальный подъём.

Лео крепко прижался к твёрдой, как скала, спине. Голова закружилась — то ли от недостатка кислорода, то ли от волнения. В груди бушевал ураган чувств: хотелось расправить собственные крылья и устремиться к звёздам, навстречу неизведанным мирам.

Он ощущал себя частью вечности — яркой звездой в бесконечной вселенной. Пыль от давно погасших светил мерцала в потоках воздуха, подобно планктону в океане. Время словно остановилось — только он, дракон и звёздное небо существовали сейчас.

Внутренний огонь разгорался всё сильнее, грозя вырваться наружу. Лео с трудом сдерживал его, чувствуя, как тело наполняется энергией, будто вот-вот взорвётся и превратится в новую звезду.

Лориэнс продолжал полёт, выписывая в ночном небе головокружительные виражи. Он кружил, нырял сквозь облака, демонстрируя своё мастерство — то ли пытаясь впечатлить седока, то ли напугать. Мощные крылья рассекали воздух, заслоняя звёзды, оставляя за собой лишь призрачный след былого величия.

Наконец дракон пошёл на снижение. Лапы коснулись земли мягко, почти невесомо. Лориэнс выпустил в небо столб пламени — яркий, жаркий, прощальный. В память о своих ушедших сородичах.

Потрясённый Лео с трудом сполз со спины некогда казавшегося маленьким и смешным дракона. Ноги подкашивались, пальцы предательски тряслись, по всему телу бежала мелкая дрожь. Эмоции переполняли его, рвались наружу, грозя разорвать на части.

Он вспомнил свой первый полёт, когда стал голубем в прошлой жизни, — ту головокружительную невесомость, пьянящую свободу, гармонию с воздушными потоками. Ощущение превозданной мощи и божественности захватило его с новой силой.

Не в силах сдержать нахлынувшие чувства, Лео обнял дракона за шею. Прижался щекой к тёплой чешуе, вдохнул запах озона и звёздной пыли.

На глазах выступили слёзы — это было нечто особенное, до боли родное. В этот миг перед его мысленным взором возник образ Леры, слившийся с вихрем эмоций. Их души словно переплелись, став единым целым.

— Теперь ты понял, почему я как минимум Невероятный? — торжественно произнёс Лориэнс, гордо вскинув голову. Но в голосе его слышалась не только гордость — там была и нежность, спрятанная глубоко, чтобы никто не заметил.

— Спасибо, друг! — Лео хлопнул дракона по шее.

— Ещё один такой полёт — и станешь мне братом! — Лориэнс брезгливо фыркнул. — Ладно, не дрейфь. — Он помолчал и добавил: — Этой гадости я у вас набрался. Все вы, мелкие проказники...

— Ну что за глупости! — возмутился Лео. — Нечего подслушивать и повторять всякую ерунду!

— Ну, надо же как-то найти с тобой общий язык. — Дракон склонил голову набок. — У вас ведь так говорят? Какой же уродливый этот ваш язык — меня аж тошнит!

— Ну, знаешь ли, двадцать первый век в разгаре. Мы уже не говорим на древних наречиях.

— А зря. — Лориэнс вздохнул, и в этом вздохе была целая вечность. — Раньше речь была красивее и содержательнее. А теперь...

— Пойми, всё развивается и меняется. Появилось множество новых технологий, явлений, которым раньше не было названия.

— Лучше бы вы самих себя развивали, а не технику. — Голос дракона стал серьёзным. — Забери у вас всё — и что останется? Вы рабы своих изобретений, сами по себе ничего не стоите. Один придумал, а все пользуются. Вот у нас каждый умел всё. И каждый был самодостаточен.

Лориэнс замолчал. Смотрел куда-то в темноту, где не было ничего — только ночь и горы.

Лео молча стоял рядом, положив руку на тёплую шею. Он чувствовал, как тяжело дракону. Как больно вспоминать.

— Мир исчез, — тихо сказал Лориэнс. — Какими бы великими мы ни были... мы проиграли.

Он вздохнул, и пламя, готовое вырваться наружу, погасло, не родившись.

ГЛАВА 23. КЛЮЧИ И ДУХИ

Ночь выдалась беспокойной. Лео метался в постели, сбивая простыни в комки, одолеваемый кошмарами. В сновидениях он сражался с Лерой и Виктором — их фигуры окутывала зловещая тьма, от которой не было спасения. Вокруг царил хаос: тени выползали из всех щелей, заполняя пространство, здания рушились, как карточные домики, а люди гибли в безумии происходящего.

Он проснулся резко, будто вынырнул из глубокой воды. Сердце колотилось где-то в горле, тело было липким от пота, горло пересохло так, что язык, казалось, прилип к нёбу.

И в этот момент в ноздри ударил аромат свежее испечённого хлеба — тёплый, домашний, живой. Он словно якорь вернул Лео в реальность, выдернул из того кошмара, где всё серое и мёртвое.

Он сел, провёл ладонью по мокрой шее, откинул с глаз прилипшую чёлку. Несколько глубоких вдохов — и пульс начал успокаиваться.

Лео быстро умылся ледяной водой из ведра, натянул штаны и вышел на террасу.

Давид уже ждал его. Сидел за столом, разливал по кружкам травяной чай, и от него исходило то особенное спокойствие, которое бывает только у людей, проживших долгую жизнь и научившихся не суетиться. При виде Лео он улыбнулся — тепло, ободряюще — и жестом пригласил присесть рядом.

— Что тебе снилось? — спросил он, вглядываясь в бледное лицо. — Ты кричал во сне. Я уже хотел разбудить, но ты сам пришёл в себя.

Опустившись на скамью, Лео взял кружку, обжёг пальцы и не почувствовал.

— Плохой сон, — сказал он хрипло. — Я воевал с Виктором и Лерой. Они были... тёмными. И была война с тенями. Просто кошмар.

Он помолчал, глядя в кружку, где плавали листья мяты.

— Думаю, психика пытается переварить случившееся. — Лео усмехнулся криво, без веселья. — Я ведь из современного мира, с цифровыми технологиями, с приложениями для доставки еды. А не из фантастического романа. А здесь мне пришлось перемещаться в пространстве, летать на драконе...

— И как полёт? — Давид прищурился, в уголках глаз собрались лучики морщин. — Понравилось?

Лео вдруг улыбнулся — по-настоящему, светло.

— Да не то слово! Я даже передать не могу, каково это. Я словно сам был драконом, летал рядом с ним. — Он прижал руку к груди. — Это круче любой дополненной реальности. До сих пор помню эти ощущения — они пробирают до костей.

Давид кивнул, задумчиво поправил серебряный перстень на пальце — потёртый, с тёмной бирюзой.

— Значит, вы ладите с драконом. Это хорошо. Обычно у них скверные характеры. У нас ведь тоже они раньше жили. У каждого народа остались сказки и легенды.

— Да, — Лео усмехнулся. — Лориэнс тоже с характером.

— У нас на Кавказе говорят: дракон — это гора, которая научилась дышать огнём. — Давид говорил медленно, смакуя слова. — А в Китае — что это река, поднявшаяся в небо. Оба правы. Сила одной стихии, узнавшая язык другой. Вы с ним притёрлись — это знак.

Он посмотрел на Лео внимательно, пронзительно.

— Ты перестал быть только человеком, Лео. Ты стал мостом.

Это прозвучало не как поэзия. Как констатация факта.

— Спасибо Элтоа за такой подарок. — Лео помолчал. — Хочешь, познакомлю с драконом сейчас?

— Нет, пока не надо. — Давид покачал головой, поглаживая бороду. — Есть другие, более срочные дела. Надо проверить Виктора.

Он отставил кружку, подался вперёд, и лицо его стало серьёзным.

— Я волнуюсь за него. Он сильно пострадал. Эти твари почти высосали его, и он получил много теневой энергии. Его тело борется за жизнь, пытаюсь адаптироваться к этим потрясениям. Скелет пострадал серьёзно — мягкие ткани восстановились быстро, но костям нужно больше времени. Мы должны следить за ним.

Давид сделал паузу, затем продолжил:

— Тут есть подземные источники с сероводородом у побережья. Их называют Мацестой, «Белой рекой». Раньше звали её «Дыханьем Спящего Змея». Говорили, что глубоко под землёй лежит древний дух, и его тяжёлое, целебное дыхание выходит на поверхность этими водами. Оно лечит кости именно потому, что дух тот — хранитель тверди земной.

«Если бы не отвратительный запах», — подумал Лео. «Белая нефть», — вспомнил он китайское название для одного минерала. Здесь она была жидкой, кипящей под землёй, и пахла адом.

— Надо принести грязи оттуда. — Давид уже вставал, деловито закатывая рукава. — Я покажу тебе, где это, но ходить придётся каждый день — нужно приносить свежую.

— А почему сразу не принести столько, сколько надо? — удивился Лео.

— Потому что целительные свойства быстро утрачиваются. — Давид говорил терпеливо, как с ребёнком. — Это касается всех целебных источников — они ведь живые. Хотя Мацеста плохо пахнет, её целебные свойства на высоте.

— А чем она пахнет? — спросил Лео, хотя уже догадывался.

— Тухлыми яйцами. — Давид улыбнулся — и в улыбке этой было что-то предвкусующее. — Тебе тоже она нужна.

— Фу-у-у. — Лео сморщился. — Я не хочу! Буду вонять — все звери в лесу разбегутся.

— Наоборот. — Давид поднял палец. — Запах смерти — тухлятины — отгонит мелких духов болезни, которые боятся настоящей, здоровой вонючести жизни. А большие звери... они умнее. Поймут, что пахнешь не трупом, а силой земли, и станут уважительнее.

Он хлопнул ладонью по столу.

— Ты ведь тоже пострадал от воздействия теневой энергии Теневого Предела. Так что идём — и без возражений.

В голосе его едва слышно дрожал ехидный смешок.

ГЛАВА 24. ЗЛОВОННЫЙ ИСТОЧНИК СИЛЫ

Когда они добрались до подземного источника, запах стал невыносимым.

Река напоминала молоко — густая, белоснежная, она выглядела почти сказочно. Вода струилась меж серых камней, клубилась паром, и если бы не запах, можно было подумать, что это молочная река из детских сказок. Но запах... запах бил в нос так, что глаза слезились.

— Давай, раздевайся, — скомандовал Давид. Голос его звучал буднично, как у врача, назначающего укол.

— Зачем? — Лео попятился. — Я не хочу. Меня и так тошнит.

— Скоро привыкнешь. — Давид уже стягивал рубаху, несколько не смущаясь. — Давай быстрее — у нас мало времени, надо вернуться до заката.

— Я не буду здесь купаться!

— А кто сказал, что надо купаться? — Давид обернулся, и в глазах его плясали чёртики. — Я буду мазать тебя грязью. Возражения не принимаются.

Лео замер.

— Ты что, стесняешься меня?

— Н-нет... — Лео запнулся. — Ну, да. И это тоже.

Давид рассмеялся — гулко, от души. Борода его тряслась, глаза блестели.

— Стеснение — это тоже грязь, только на душе. — Он вытер слезу, выступившую от смеха. — Её надо смыть первой. Раздевайся. Если не снимешь одежду сейчас, будешь ходить

голым потом. Отстирать не получится. А вонючим в дом не пушу — будешь спать на улице с собаками.

Лео разочарованно вздохнул — так, что, казалось, воздух вокруг погрузнел. Медленно, с видом приговорённого, он начал раздеваться.

Давид уже зачерпнул пригоршню чёрной, зловонной жижи и, не церемонясь, принялся намазывать его. Грязь была холодной, склизкой, пахла так, что Лео зажимал нос, но дышать всё равно приходилось.

— Не дыши носом, дыши ртом, — посоветовал Давид, обильно намазывая ему спину. — Скоро обоняние отключится — организм защитится.

Лео стоял, втянув голову в плечи, и чувствовал себя самым несчастным человеком на земле. Давид, напротив, был в отличном расположении духа — тихонько посмеивался над перекошенным от отвращения лицом ученика, намазывая жижу и на себя.

«Вот это я попал! — думал Лео, с трудом подавляя рвотный рефлекс. — Сегодня ночью летал на драконе, а сейчас сижу в каком-то чёрном, жутко вонючем дерьме».

Экзекуция длилась недолго, но каждое мгновение тянулось вечность. Кожа под слоем жижи сначала горела — будто тысяча иголок впивались в поры. Потом заняла тупым, глубоким теплом, словно кости пили мутный, густой бульон из недр земли. Больно не было — было странно, непривычно, но где-то глубоко Лео чувствовал, как эта гадость делает своё дело.

Наконец Давид разрешил смывать.

Лео бросился в воду, яростно тёр кожу, пытаясь избавиться от липкой чёрной массы. Но она не хотела отмываться до конца — оставляла на коже лёгкий, маслянистый серый оттенок и слабый, но стойкий дух камня и прели.

— Не беспокойся, — усмехнулся Давид, видя его усилия. — Это не грязь. Это печать. Она сойдёт, когда земля сочтёт, что взяла своё.

— Я надеюсь, от этого будет толк. — Лео смотрел на свои серые руки. — А иначе я...

— Что, не переживёшь позора? — Давид засмеялся в голос. — Ты только намазался, а не ел. К тому же никто не узнает об этом. Кроме нас двоих и, может, тех зверей, которые теперь будут обходить тебя за километр.

Лео сморщился:

— Есть это я бы ни за что не стал, хоть убей!

— Своей глупостью и ложной гордостью ты убьёшь себя гораздо раньше. — Давид вдруг стал серьёзным. — Хватит придуриваться. Пошли домой.

К удивлению Лео, после нескольких сеансов «вонитерапии» тело действительно откликнулось на лечение. Ушла та глухая, ноющая боль в костях, о которой он даже не подозревал, — просто привык и не замечал. Вернулась лёгкость в движениях.

Виктор тоже стал выглядеть намного лучше. Бледность уходила, сменяясь здоровым, тёплым оттенком кожи. Дышал он ровнее, глубже.

— Не всё то золото, что блестит, — торжественно произнёс Давид, осматривая тело Виктора. Он поправил съехавшую на лоб папаху, погладил бороду и тихо хихикнул себе в усы. — И не всякая вонючка — к беде. Иногда это просто земля напоминает о себе.

Лео посмотрел на свои руки — серый налёт почти сошёл. Остался только лёгкий, едва заметный оттенок, который можно было принять за загар.

И запах. Слабый, но стойкий — запах камня, земли и чего-то древнего.

«Может, это действительно печать», — подумал он.

ГЛАВА 25. ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛТОА

Ночью, после долгого перерыва, Элтоа вновь позвал Лео.

Лео даже не удивился — скорее обрадовался, как старому другу, которого давно не видел. Сознание мягко отделилось от тела, и вот он уже стоял на знакомой поляне в мире Элтоа — там, где трава светилась изнутри, а небо переливалось всеми оттенками заката.

— Я переживал за тебя, — выпалил Лео. — Думал, нас раскрыли и тебе влетело из-за меня.

Элтоа улыбнулся своей обычной улыбкой — чуть загадочной, но тёплой.

— Всё в порядке. Я был занят. И ты тоже. Я рад встрече — мне есть что сказать.

Слова эти вселяли надежду. Лео почувствовал, как внутри затеплился огонёк.

— Я долго думал, как тебе перенести тело в другой мир, — продолжил Элтоа. — Наконец нашёл кое-что. Самое удивительное, что это рядом с тем местом, где ты сейчас находишься.

Он сделал паузу, будто давая Лео осознать.

— Хотя нет ничего удивительного. В древности здесь бывали греческие боги. Прометея приковали на Орлиных скалах, это рядом. Мифы про «золотое руно» и аргонавтов слышал? — Элтоа махнул рукой. — Ладно, сейчас не об этом.

Он приблизился, и голос его стал тише:

— Недалеко от долины Давида есть скрытая пещера. Древние боги оставили там портал для дальних перемещений. Место я укажу. Но нужен ключ для активации — амулет и мантра. Второй ключ.

— И что, просто взять и войти? — насторожился Лео.

— Не совсем. — Элтоа покачал головой. Его синие волосы засветились лазурью. — Вся сложность в том, что заклинание написано на очень древнем, мёртвом языке. Я его не знаю и не знаю никого из живых, кто мог бы его прочесть. В крайнем случае, нужно найти носителя, в ком есть капля божественной крови. Тогда можно пробудить память предков и прочитать заклинание активации.

— Да уж, — Лео хмыкнул. — Найти потомков богов в наше время — проще простого.

— Я не договорил. — Элтоа поднял палец. — Ключ охраняет дракон. Он там же, где и врата.

— Вот здорово! — Лео всплеснул руками. — И что, мне надо убить дракона, чтобы получить ключ? Ты серьёзно?

— Ну почему сразу убить? — Элтоа усмехнулся. — У тебя ведь есть свой дракон. Пусть он что-нибудь придумает. Договорится. Подкупит. Соблазнит. — Он пожал плечами. — Это уже ваши задачи.

— А заклинание? Кровь?

— Не спеши. Достань сначала ключ. Заклинание я дам тебе. — Элтоа протянул руку, и на ладони у него засветился золотистый кристалл, переливающийся изнутри. — Только помни: все миры чем-то похожи, но вместе с тем и отличаются. Иначе в них не было бы смысла.

Лео взял кристалл, повертел в пальцах. Тёплый, гладкий, но абсолютно прозрачный. Никаких надписей.

— И где тут что написано? — разочарованно спросил он.

— Здесь и написано. — Элтоа коснулся кристалла, и тот на миг вспыхнул. — Когда вставишь его в ключ, появится надпись.

Он помолчал, а потом добавил:

— Вот, возьми ещё. — Он дотронулся рукой до лба Лео, и в сознании мгновенно всплыл образ из прошлого: они с Лерой брели по лесу, следуя за светящимся объектом. Клубочек Ариадны. — Ты помнишь, как Лера вызывала его? Из той реальности.

— Помню. — Лео кивнул. — Я так же сферу активировал, когда искал её.

— Нет. — Элтоа покачал головой. — Сфера — это другое. Нить Ариадны — это связь с богами. Она тоньше, умнее. Вернёшься — попробуй. А сейчас мне пора.

Он лишь коснулся пальцем руки Лео, и мир вокруг начал таять.

— И тебе тоже пора. Удачи.

ГЛАВА 26. КОСМИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ И КРОВЬ БОЖЕСТВЕННОГО ПОТОМКА

Солнце пробивалось сквозь густую листву. Давид уже возился у очага, когда из дома выскочил взбудораженный Лео. В руках держал небольшой кристалл, в зубах зажимал кусок сыра, а в глазах горел нездоровый огонь, который бывает у людей, только что получивших важную новость.

— Давид! — крикнул он с набитым ртом, плюхнул сыр в ладонь и протянул находку. — Я виделся с Элтоа! Смотри, что он мне дал!

Давид осторожно взял кристалл. Прикрыл глаза. Провёл ладонью по бороде — медленно, задумчиво. Потом резко открыл глаза, и в них плеснулось что-то среднее между изумлением и тревогой.

— Удивительная мощь, — выдохнул он. — Космические энергии. Я никогда не ощущал ничего подобного. Зачем Элтоа передал его тебе?

Лео усмехнулся, но в смехе слышалась нервозность — когда новости слишком большие, чтобы влезть в голову.

— Недалеко отсюда он обнаружил портал. Для физического перемещения. Его создали древние боги. — Лео ткнул пальцем в кристалл. — Это ключевой элемент. Ещё есть ключ и заклинание, открывающее врата. Но есть загвоздка.

— Какая? — Давид нахмурился.

— Заклинание написано на мёртвом языке. Прочсть его может только божественный потомок по крови. Где его искать — неизвестно. А ключ охраняет дух дракона или сам дракон. Я не понял.

Давид выпрямился. Складка между бровями стала глубже.

— В общем, всё как обычно, — Лео развёл руками. — Драконы, порталы, теперь ещё и боги добавились. Вот это отпуск!

Он хмыкнул и продолжил, явно входя в раж:

— Будет что рассказать друзьям за бокалом вина. Дохлая белка, вонючая грязь, земляной гроб... надо будет упомянуть, чтобы не слишком завидовали. Представь, как я объясню отцу, где пропал. «Да некогда было, пап. Ручного дракона выгуливал. Он плохо себя вёл, а я улетел в духовный мир и создал там свой собственный. Так что не обижайся, было не до вас. Ещё и в параллельную реальность попасть надо».

Он замолчал, выдохнул и добавил мрачно:

— После такого меня точно отправят в психушку.

Давид пристально посмотрел на него. Взгляд был твёрдым, но не злым — скорее отеческим.

— Хватит. — Он слегка ткнул указательным пальцем Лео в лоб. — Иди, сбалансируй энергию. А то и правда свихнёшься.

Лео тяжело вздохнул и побрёл к ближайшему дереву. Прислонился спиной к шершавому стволу, закрыл глаза. Его трясло — мелко, противно, изнутри. Хотелось кричать и плакать одновременно.

Дыхание. Вдох. Выдох. Ещё глубже.

Постепенно пульс выровнялся, мысли перестали скакать, как бешеные белки. Он вспомнил уроки Леры, её спокойный голос: «Представь, что ты — нить. Тонкая, но прочная. Всё остальное — просто ветер».

Он призвал клубочек Ариадны.

И — получилось. С первого раза. Светящаяся нить выплыла из солнечного сплетения, потянулась куда-то в лес, за деревья.

Через полчаса Лео вернулся к Давиду. Лицо было спокойным, взгляд — ясным.

— Всё. Я больше не истерю. Готов идти к воротам.

Давид одобрительно кивнул. Поправил папаху, смахнул невидимую грязь с рукава.

— Как далеко?

— Элтоа сказал — неподалёку. — Лео показал на светящуюся нить, всё ещё тянущуюся в лес. — Клубочек Ариадны проведёт.

— Очень расплывчато. — Давид почесал бороду. — Ладно. Надо собрать провизию. И приготовить мясо силы.

— Что?! — Лео скривился, будто ему предложили съесть жабу. — Опять давиться дохлой белкой?!

— Не белкой. — Давид усмехнулся в усы. — Косулей.

— Дохлой?!

— Ты что, предпочитаешь съесть её живой?

— Конечно, нет! — Лео всплеснул руками. — Ты что, из меня монстра хочешь сделать?

Давид засмеялся — гулко, от души. Борода тряслась, глаза блестели.

— Ладно, хватит шуток. — Он вытер слезу. — Пойдём собирать рюкзаки. Кто знает, что нас ждёт впереди.

Лео помолчал, потом спросил тише:

— А как же Виктор? Кто за ним присмотрит?

Давид положил руку ему на плечо — тяжёлую, тёплую, надёжную.

— Не переживай. Я накрою его защитным барьером, призову духов-хранителей. Псы будут начеку. С ним всё будет в порядке.

Лео кивнул.

Впереди ждал путь. Длинный или короткий — покажет клубочек.

ГЛАВА 27. НИТЬ АРИАДНЫ

Сборы заняли немного времени. Основная часть необходимого всегда лежала в рюкзаках — своего рода «тревожный чемодан» на экстренный случай. Оставалось только положить еду, сменить носки на сухие да проверить фонари.

Они вышли, когда солнце стояло в зените — полдень. Ждать следующего утра не стали — клубочек Ариадны светился ровно, призывно, будто знал, что время не ждёт.

Лёгкий дождик освежил воздух. Зелень заблестела чистыми листьями, на солнце переливались крошечные капельки, словно жемчужины, рассыпанные по паутине. Птицы весело щебетали, разбавляя лесную тишину, — и от этого лес казался не тёмным и страшным, а живым, дышащим.

Клубочек скакал по камням, ловко преодолевая препятствия. То замирал на мгновение, будто прислушиваясь, то срывался вперёд, увлекая путников всё глубже в чащу.

Лео открыл рот, чтобы что-то сказать — может, спросить, далеко ли ещё, может, просто поделиться мыслью, — но Давид остановил его, не дав произнести ни звука. Просто поднял ладонь и покачал головой.

— Помолчи, — сказал он тихо, но твёрдо. — Ты слишком много говоришь. Это тратит силы, которые тебе ещё пригодятся.

Лео кивнул. Закрыв рот. Прислушался к себе.

Они шли в тишине. Хрустели ветки под ногами, шуршала листва, где-то вдалеке стучал дятел — мерно, деловито, будто отмерял время. Солнце медленно садилось, сгущались сумерки, тени становились длиннее, тягучее.

Давид остановился у большой раскидистой ели. Лапы её касались земли, образуя естественный шатёр.

— Переночуем здесь. — Он скинул рюкзак. — Ставь палатку. Выдвинемся на рассвете — нужно хорошо отдохнуть.

Лео уже открыл рот для очередной реплики — может, хотел пошутить, может, спросить, почему нельзя идти дальше, — но Давид сурово посмотрел на него и поднёс палец к губам.

— Не пугай лес разговорами, — сказал он шёпотом. — Не привлекай злых духов — их здесь предостаточно. Ты же не хочешь с ними сражаться?

У Лео округлились глаза. Он оглянулся на тёмные силуэты деревьев, нависающие над лагерем, — они казались древними стражами забытых тайн. Молчаливыми. Внимательными.

Он сдержался и просто кивнул.

Палатку поставили быстро, почти без слов. Давид развёл небольшой костёр — чисто для тепла, без лишнего дыма. Достал сухпаёк, протянул Лео флягу с водой.

Где-то вдалеке заухал филин — глухо, протяжно. Лео невольно вздёргнул плечи, поёжился.

Давид посмотрел на него, усмехнулся в бороду и ничего не сказал.

Огонь потрескивал. Темнота стужалась.

Впереди ждало неизведанное.

ГЛАВА 28. ЛОХМАТЫЙ ВОРИШКА

Лео проснулся неожиданно легко — будто долгое молчание действительно сберегло силы. Он потянулся, открыл глаза... и замер.

Хрум-хрум.

Прямо у него на груди сидела белка. Наглая, пушистая воришка с блестящими глазками держала в лапах украденный из рюкзака орех, рассыпав вокруг скорлупу. Лео даже икнул от изумления.

— Вот маленький лохматый воришка! — вырвалось у него. — Ты как сюда попал, засранец? Мы же защитный барьер поставили!

Бельчонок лишь цыкнул, не прерывая трапезу. Ни тени смущения — будто его застали за законным делом.

— Любят тебя белки, — рассмеялся Давид. Он приподнял брови, и улыбка его обнажила ряд безупречно белых зубов. — Ты им как родной.

— На что мне такая любовь? — Лео покосился на нахала. — Они меня уже пугают. Вроде не пью... С ними плохие ассоциации.

— Это же зверь силы, не бухти. — Давид хлопнул себя по колену. — Скажи ему спасибо! Ты что, орешек пожадничал? Неблагодарный! Он сам пришёл к тебе на помощь. Разверни восприятие — вокруг тебя магия творится, а ты цепляешься за городское мышление!

Лео вздохнул, протянул руку и осторожно погладил зверька. Белка, явно довольная, приняла ласку, дожевала последнюю крошку и свернулась клубочком у него на груди.

— Спасибо, — тихо произнёс Лео.

Он аккуратно поднял пушистика, намереваясь вынести из палатки, но зверёк уже спал — крепко, неподвижно, только бок вздымался ровно.

— Ты везучий, Лео. — Давид покачал головой. — Видишь, они сами приходят на помощь. А знаешь, как тяжело поймать зверя силы? Далеко не у всех получается. Так что не ёрничай — будь благодарен.

Лео почувствовал укол стыда. Он ведь с детства привык к комфорту, родился «с золотой ложкой во рту». Ему никогда не приходилось просить — и тем более благодарить. Тем более белку.

Наскоро перекусив походным пайком, они собрали палатку и двинулись вглубь леса — вслед за клубочком, который теперь служил им проводником. Белка так и осталась спать у Лео за пазухой, тёплым живым комочком.

ГЛАВА 29. ТАЛИЭН МОГУЧИЙ

Клубочек Ариадны петлял между деревьями, уверенно ведя путников вглубь. Лес становился всё древнее, всё молчаливее. Даже птицы здесь не пели — только изредка где-то ухал невидимый филин, и эхо разносило этот звук, делая его жутковатым.

— Давид, — не выдержал Лео, — ты веришь в сказки?

Давид хмыкнул, поправил лямку рюкзака.

— Какие сказки?

— Ну, русские народные. Про Змея Горыныча, про Бабу-Ягу, про Кощея. — Лео развёл руками. — Я вырос в Китае, у нас свои драконы, свои легенды. А ваши... они какие-то... домашние, что ли. С печкой, с избушкой, с курочкой Рябой. А потом оказывается, что мы идём к настоящему дракону, и я подумал: а вдруг они все были правдой?

Давид остановился, повернулся к Лео. Глаза его блеснули — то ли отражением солнца, то ли усмешкой.

— Сказки, Лео, — память. Упрощённая, пересказанная для детей, но память. Наши предки не были глупее нас. Они просто по-другому видели мир. Для них дракон — не монстр из компьютерной игры, а сосед по мирозданию. С ним можно поговорить, договориться, подраться — и даже подружиться.

— И что, Змей Горыныч существовал?

— А ты как думаешь? — Давид покачал головой. — Трёхголовые драконы — это не выдумка. Просто их осталось мало. Очень мало. И те, кто остался, чаще спят, чем бодрствуют. Ждут.

— Чего ждут?

— Героев. — Давид усмехнулся. — Или обычных людей, с которыми можно поговорить. Одиночество — страшная штука, даже для дракона.

Они пошли дальше. Лео молчал, переваривая услышанное.

Клубочек остановился перед огромной каменной глыбой, поросшей мхом и лишайником. На первый взгляд — просто скала, каких много. Но Лео чувствовал: здесь что-то не так. Воздух ощущался слишком плотным, слишком живым.

— Мы на месте, — тихо сказал он.

Давид кивнул, положив ладонь на рукоять «Верного сердцу».

Глыба дрогнула.

Земля под ногами пошла ходуном, и скала начала подниматься, расти, обретать форму. Каменная корка осыпалась, обнажая изумрудно-зелёную чешую. Огромные крылья расправились, заслонив небо, и три длинные шеи взметнулись вверх, увенчанные тремя головами.

Три пары глаз — красная, жёлтая, синяя — уставились на маленьких человечков внизу.

— О, гости! — средняя голова, самая крупная, с гребнем, напоминающим корону, склонилась к ним. — Тысячу лет никого не было, а тут сразу двое. Незваные! — басовито пророкотала она. — И даже с мечом! — Он покосился на Давида. — Смотри-ка, старик, а ты не промах. Только меч у тебя игрушечный, мою чешую не возьмёт.

— А вдруг возьмёт? — с сомнением пискнула левая голова, поменьше, с выпученными глазами. — Ты посмотри, как он блестит! У меня от этого блеска голова болит! Мамочки, а вдруг они нас убьют? Я же говорила, надо было сразу огнём!

— Угомонись, — лениво протянула правая голова, самая спокойная, с прищуренными синими глазами. — Никто никого убивать не будет. Смысл? Вот скажи мне, какой смысл в убийстве? Только шум, гам, а потом опять тишина. Скукота.

Лео стоял, задрал голову, и пытался осознать, что перед ним не обычный дракон, а три дракона в одном флаконе. И все говорят одновременно.

— Вы кто? — выдавил он наконец.

— Я — Талиэн Могучий! — гордо провозгласила средняя голова. — Хранитель врат, последний из земных драконов этого мира, слуга... — он запнулся, покосился на правую голову. — Слуга кого мы там слуги?

— Велеса, — подсказала правая голова. — Да. Но он нас забыл. Как и все остальные.

— А, да. — Средняя голова вздохнула. — Велес. Был такой бог. Скотину любил, поэтов, магию и ещё чего-то... А потом ушёл по делам и не вернулся. Мы тут и заскучали.

— Заскучали? — переспросил Лео.

— А ты думал! — Левая голова всплеснула маленькими передними лапками, которые вдруг откуда-то появились. — Сиди тут тысячелетиями, охраняя эти дурацкие врата, которые никто не открывает! Ни тебе богатырей, ни битв, ни приключений! Только птички гадят на голову. Вон, на средней уже мох пророс!

— Не трогай мох, это стильно, — обиделась средняя.

— Стильно? Ты на себя в лужу посмотри! Зелёный с зелёным — маскировка, а не стиль!

— Девочки, не ссорьтесь, — примирительно сказала правая голова. — Какая разница, мох или не мох. Всё равно никто не видит. Кроме этих двоих. — Она с интересом уставилась на Лео. — А ты, кстати, зачем пришёл?

Лео вздрогнул, но быстро взял себя в руки. Он перевёл дух. Разговаривать с драконом, у которого три головы спорят друг с другом, — это было... необычно.

— Я ищу врата. Мне нужно попасть в другой мир, чтобы вернуть украденную душу моей жены и спасти её.

— М-м-м... Ты так её любишь, что готов на это? Я знал одного человека, похожего на тебя. Он тоже стремился спасти любимую — и они оба погибли. Ты готов рискнуть жизнью, даже если успех сомнителен?

— Да, — твёрдо ответил Лео и достал кристалл, подаренный Элтоа. — У меня есть ключ. И я знаю, что нужна кровь божественного потомка, чтобы прочесть заклинание. Но где его искать — понятия не имею.

Три головы уставились на кристалл.

— Ого, — сказала средняя. — Небесная работа. Чувствую силу.

— А мне страшно, — пискнула левая. — Вдруг это ловушка?

— Интересно, — задумчиво протянула правая. — Кристалл настоящий. А вот про кровь... — Она перевела взгляд на Лео. — Ты уверен, что у тебя её нет?

— В смысле? — опешил Лео.

— Ну, смотри. — Правая голова почесала подбородок когтем. — Ты говоришь, что твоя жена... — Голова многозначительно замолчала.

Лео почувствовал, как у него подкашиваются колени.

— Вы хотите сказать, что во мне течёт божественная кровь?

— Или не течёт, — вмешалась левая. — Откуда мы знаем? Мы тут тысячу лет сидим, нам новости не докладывают!

— Но проверить можно, — сказала средняя. — Подойди-ка сюда.

Лео шагнул вперёд. Средняя голова склонилась к нему, втянула воздух, чихнула — так, что Лео отлетел на несколько метров и врезался спиной в дерево.

— Ой, прости, — смутилась средняя. — Першит что-то. Мох, наверное.

Лео поднялся, отряхиваясь.

— И как, есть кровь?

— Не уверен. Слишком много веков прошло. — Кивнула средняя.

— Значит, я смогу прочесть заклинание?

— Посмотрим. — Правая голова улыбнулась. — Если, конечно, мы договоримся.

Давид, всё это время молча наблюдавший, шагнул вперёд, положив руку на меч.

— Что ты хочешь взамен?

— О, старик заговорил! — обрадовалась левая. — А я думала, он немой! Или просто юродивый!

— Заткнись, — одёрнула её средняя. И обратилась к Давиду: — Что я хочу? Я хочу... — Она задумалась. — А чего я хочу?

— Поговорить, — подсказала правая. — Мы хотим поговорить. С живыми людьми. Чтобы не одни, не в этой тишине, не с этими вечными мыслями, от которых уже голова пухнет.

— И подражаться! — встрепенулась левая. — Ну хоть чуть-чуть! Я же помню, как мы с богатырями... Эх, было время!

— Подражаться? — переспросил Лео.

— Ну да. — Средняя вздохнула. — Понимаешь, мы — драконы. Нам положено сражаться. А мы тут сидим, как музейные экспонаты. Ни тебе героев, ни принцесс, ни даже приличного вызова. Скука смертная. Я уже и камень начал — вон, хвост почти не чувствую.

Он дёрнул хвостом — правда, кончик был серым, негнущимся.

— Мы могли бы просто дать вам ключ, — добавила правая. — Но тогда мы никогда себе не простим, что упустили шанс на настоящую битву. Понимаете?

Лео посмотрел на Давида. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал Лео. — Мы сразимся с тобой. Но без смертей. Просто... по-настоящему. Чтобы ты почувствовал себя живым.

Глаза трёх голов загорелись.

— Правда? — пискнула левая.

— Честно? — басовито уточнила средняя.

— Интересно, — задумчиво произнесла правая. — Давно я не встречала таких людей. Ладно. Давай. Но предупреждаю — я не сдержусь. Слишком долго ждал.

Талиэн расправил крылья, готовясь взлететь.

— И ещё, — сказал он, обернувшись на прощание. — Если я проиграю... не печальтесь. Я слишком долго жил. Слишком долго ждал. Иногда смерть — это тоже освобождение.

Он взмыл в небо. Лео и Давид переглянулись.

— Похоже, это будет не просто битва, — тихо сказал Давид.

— Похоже, — ответил Лео, расстегнув воротник рубашки.

В небе раздался рёв — и тучи снова сгустились.

ГЛАВА 31. ЗВЕЗДА ЗЕЛЁНОГО ДРАКОНА

Тишина.

Лео с трудом поднялся, пошатываясь. В ушах звенело, перед глазами всё поплыло. Он качнулся и упал на колени в центре кратера. Вокруг него, смешиваясь с землёй, текла драконья кровь — зелёная, светящаяся, живая.

Рядом лежал без сознания Давид, но грудь вздымалась — жив. Белая рубаха превратилась в алюю. Лео видел, что рана не смертельна. Дух Давида держался.

Лориэнс возвышался над телом Талиэна. Огромный, величественный, он склонил голову, и из глаз его капали слёзы — тяжёлые, горячие, прожигающие землю.

Талиэн умирал. Три его головы лежали на земле, глаза закрывались, но дыхание ещё теплилось.

— Подойди, — прошелестела средняя голова, с трудом разлепляя веки. — Человек. Подойди ближе.

Лео подошёл. Опустился на колени перед головой дракона.

— Ты... честно сражался, — сказала средняя голова. — Ты достоин.

Длинным когтем, уже каменеющим, он рассёк свою грудь — там, где ещё билось сердце. Из раны выпал ключ — круглый, замысловатый, переливающийся зелёным светом.

— Возьми, — прошептала средняя голова. — Он твой. Открывай врата. Иди за своей любовью.

Лео взял ключ. Тот был тёплым, пульсирующим, как живое сердце.

— Спасибо, — прошептал он. — Ты... ты великий воин.

— Великий? — горько усмехнулась средняя голова. — Я просто старый дракон, который слишком долго ждал. Слишком долго скучал. А теперь... теперь я свободен.

— Мамочка, — еле слышно пискнула левая голова. — А там... там правда звёзды?

— Правда, — ответила правая, и голос её был спокоен, как гладь озера. — Миллионы звёзд. И все наши. Все, кто ушли до нас. Они ждут.

— Я боюсь...

— Не надо. — Правая голова повернулась к левой, коснулась её щекой. — Мы вместе. Мы всегда были вместе. Просто не понимали этого.

— Я люблю вас, — вдруг сказала средняя голова. — Обоих. Дуры вы мои...

— И мы тебя, — ответили хором левая и правая.

Глаза трёх голов закрылись одновременно.

Из последней слезы, упавшей на чёрную землю, вырос цветок. Невиданной красоты — с зелёными лепестками, переливающимися, как драконья чешуя, и с тремя бутонами на одном стебле.

Тело Талиэна вспыхнуло. Миллионы искр взметнулись в небо, закружились в огненном вихре, и душа его — огромная, светящаяся, освобождённая — устремилась ввысь.

На небе, среди миллиардов звёзд, зажглась новая. Зелёная. Яркая. Пульсирующая, как сердце.

Лориэнс поднял голову и запел.

Это не песня — скорее, стон, древний плач, который не нуждался в словах. Он пел о погибшем мире, о братьях, ушедших в небытие, о гордом драконе, который встретил смерть с достоинством.

Птицы в лесу замерли. Ветер стих. Даже деревья, казалось, слушали.

Лео стоял на коленях, сжимая ключ, и слёзы текли по его лицу. Он не стыдился их.

Когда Лориэнс замолчал, дракон опустился рядом с Лео и положил тяжёлую голову ему на плечо.

— Ты слышал, что он сказал? — тихо спросил Лориэнс. — «Я свободен». Он благодарен нам. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Лео. — Но всё равно больно.

— Больно — значит, ты живой. — Лориэнс прикрыл глаза. — А он теперь живёт там. — Он поднял голову к небу, к новой зелёной звезде. — И будет жить вечно.

Ночь опустилась на лес, и звёзды зажглись одна за другой. А зелёная звезда горела ярче всех — и, казалось, чуть теплее.

— Нам пора, — наконец сказал Лориэнс. — Давиду нужна помощь. А тебе — отдых.

Лео кивнул, поднялся и подошёл к Давиду. Тот был бледен, но дышал ровно.

— Лориэнс, помоги.

Дракон осторожно, почти нежно, подхватил Давида своими огромными лапами и перенёс к ровному месту у края кратера. Лео опустился рядом, приложил ладони к груди наставника и закрыл глаза.

Он не думал о том, правильно ли делает. Просто направлял поток — внутренний огонь, который теперь был в балансе с водой. Энергия текла ровно, спокойно, заполняя повреждённые места, сращивая ткани, возвращая жизнь.

Давид открыл глаза через полчаса.

— Живой? — слабо усмехнулся он.

— Живой, — ответил Лео. — И ты тоже.

— Дракон?

Лео посмотрел на небо. Зелёная звезда всё ещё горела.

— Он теперь там. Свободен.

Давид проследил за его взглядом и кивнул.

— Хорошая смерть. Достойная. — Он помолчал. — А ключ?

Лео разжал ладонь. Ключ тускло блеснул в свете звёзд.

— Есть.

— Значит, завтра — к воротам.

— Завтра, — согласился Лео.

Они сидели молча, глядя на звёзды. Лориэнс не стал браслетом. Он, снова ставший маленьким дракончиком, свернулся клубком на коленях у Лео и тихо посапывал во сне. Иногда вздрагивая, он выпускал струйку дыма — наверное, ему снился брат.

А зелёная звезда всё горела. И, казалось, улыбалась им.

Вскоре Лориэнс проснулся и, превратившись в энергетический поток, обернулся браслетом на руке Лео. Металл был горячим, пульсирующим — дракон оплакивал брата даже в этом состоянии.

Лео подошёл к Давиду. Тот сидел на земле, облокотившись на поваленное дерево, — духовный удар оказался мощнее физического, но глаза смотрели ясно, с достоинством.

Лео опустил рядом, приложил ладони к спине наставника.

— Не надо, — слабо возразил Давид, пытаясь отстраниться. — Не трать силы. Они нужны тебе. Я сам восстановлюсь — просто потребуется больше времени.

— Лучше спасти одного человека, чем построить семь пагод. — Лео не убирал рук. — Ты столько заботился о нас — как я могу бросить тебя, учитель? Я ведь не Чжуншаньский волк.

— А это ещё кто? — Давид приоткрыл один глаз.

— Теперь ты помолчи, учитель. — Лео слабо улыбнулся. — Если коротко — это неблагодарный тип. Волка спас человек, а тот его укусил. Понимаешь?

Давид слабо кивнул. Говорить он уже не мог — силы уходили с каждым вздохом.

— Вот и твой подарок пригодился. — Лео достал миниатюрную клеточку с пчелой-манной, выпустил её и прошептал: — Голоден.

Пчела сделала три круга, села ему на плечо, и на языке появилась сладкая, тающая капля. Лео сразу почувствовал прилив сил — и передал их Давиду.

На стабилизацию ушло много времени. Солнце уже давно село, когда Давид наконец открыл глаза. Дышал он ровнее, цвет лица стал почти нормальным.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что. — Лео убрал руки, чувствуя, как пульсирует усталость в висках. — Отдыхай.

ГЛАВА 32. ПУТЬ К ВРАТАМ

Медленно, с частыми остановками, они двинулись к горе, где располагались ворота. Тропа петляла между скал, поднимаясь всё выше, и наконец привела их к чёрному провалу входа.

Тёмная пещера оказалась огромна. Со свода свисали острые пики сталактитов, из земли торчали гигантские колонны сталагмитов. Тусклый свет клубочка Ариадны рассеивал крошечную тьму ровно настолько, чтобы не споткнуться.

Разные каменные породы переливались на стенах — кварц, слюда, что-то ещё, чему Лео не знал названия. Они придавали пространству таинственный, почти сказочный вид. Тонкий, необычный запах будоражил сознание — так пах Зелёный дракон. Пахло древностью, силой и смертью.

На одной из стен выделялся странный рисунок, испещрённый неизвестными письменами. Рядом располагалась серия небольших изображений, похожих на комикс, вырезанный в камне.

Кто-то оставил эти каменные архивы, на которых изобразили высоких людей, прилетевших из далёких звёздных систем или других миров. Они выглядели необычайно красиво — тонкие черты, длинные волосы, облачённые в роскошные, царственные одежды. В руках они держали предметы, которых Лео никогда не видел: жезлы, светящиеся сферы, какие-то механизмы непонятного назначения.

— Пришельцы? — тихо спросил Лео.

— Боги, — поправил Давид. — Или те, кого люди называли богами. Разница невелика.

Давид и Лео долго, молча, разглядывали невероятные рисунки и таинственные знаки. Измотанные, они едва держались на ногах. Глаза слипались, тела требовали отдыха.

— Надо заночевать здесь, — устало произнёс Лео. — А утром разберёмся.

— Согласен.

Они развернули палатку прямо у стены с рисунками. Лео сходил за дровами — в глубине пещеры нашлось несколько сухих стволов, принесённых сюда неизвестно когда. Развёл костёр.

— Вот и бельчонок пригодился, — грустно сказал он, доставая его из рюкзака. — Спасибо тебе, малыш.

Приготовление рагу из мяса белки, фасоли и сухих овощей с перцем и травами наполнило пещеру аппетитным ароматом. Еда, насыщенная духовной энергией, помогала восстановлению лучше любых лекарств.

Насытившись, они уснули глубоким сном. Костерок тихо потрескивал, отбрасывая танцующие тени на древние рисунки.

Ночью Лео увидел сон.

Элтоа не вызвал его к себе, как обычно, — лишь явился во сне, размытый, далёкий. Казалось, он пытался что-то сказать, но мощный энергетический барьер разделял их. Как ни старался Лео пробиться, ничего не получалось — стена была прозрачной, но непроницаемой.

Когда силуэт Элтоа начал меркнуть, Лео разобрал лишь одно слово по губам: «Твоя...». Затем видение исчезло.

Он открыл глаза. Пепел и остатки углей от костра всё ещё мерцали в темноте, красно-ватые угольки дышали жаром. Давид спал, дыхание ровное — целебные травы и мясо делали своё дело.

«Почему Элтоа не смог меня вызвать? — думал Лео, глядя в потолок пещеры, где терялись тени. — Даже во сне не сумел пробиться. Что он так отчаянно пытался мне сказать? Я понял только „твоя...“».

Он сел, обхватив колени руками.

«Возможно, это особенное место... Нет, не просто особенное — уникальное. Врата в другие миры! Ясно, что такой объект не может находиться где попало. Здесь сильнейшая энергетическая защита — ведь это создали древние боги!

Но при чём здесь я? Может, я болен? Заражён тёмной энергией Теневого Предела?»

Мысли роем кружились в голове, не находя выхода. Лео перевёл взгляд на наскальную живопись. При свете угасающего костра рисунки казались живыми — великаны в роскошных одеждах словно двигались, шептались, наблюдали за ним.

Рисунки выполнены с ювелирной точностью — не как у первобытных людей, а выгравированы искусным мастером с помощью неизвестной технологии. Благородные великаны держали в руках предметы, назначения которых Лео не понимал, но чувствовал: это не оружие. Это нечто большее.

Он заснул только под утро, когда костёр почти погас.

ГЛАВА 33. ТАЙНА ПЕЧАТИ

Утром Лео проснулся первым. Давид ещё спал — восстановление шло медленно, но верно. Он не разбудил его, достал из кармана брюк печать-ключ, оставленный Талиэном, и принялся разглядывать.

Круглый, чуть крупнее мужской ладони, из неизвестного металла, с теми же знаками, что и на стене пещеры. В центре — небольшое углубление идеально круглой формы, по бокам — два острых шипа, которые вчера ещё были тупыми, а теперь, казалось, заострились сами собой.

Лео достал маленький камень, подаренный Элтоа, и приложил к углублению.

Они совпали! Камень мгновенно погрузился внутрь, будто его туда втянули. Печать нагрелась, засветилась мягким, тёплым светом. От неё исходила энергия — не агрессивная, а спокойная, почти ласковая.

Он подошёл к стене, где виднелось похожее отверстие. Приложил печать.

И... ничего.

Невидимая сила мягко, но настойчиво отталкивала её. Он попробовал снова — тот же результат. Ещё раз — печать будто натыкалась на прозрачную стену и соскальзывала.

— Чего-то не хватает, — раздался голос Давида за спиной.

Лео обернулся. Давид стоял, придерживаясь за стену, но глаза его были ясными, а лицо — сосредоточенным.

— О, ты проснулся! — Лео подошёл к нему. — Как себя чувствуешь?

— Намного лучше. — Давид поморщился, трогая грудь. — Болит, но жить буду. Пора бы поесть. Рагу осталось?

— Да, сейчас подогрею.

— Не надо. — Давид остановил его жестом. — Огонь уменьшит целительную силу. Давай так.

Они доели остатки рагу — даже холодным оно оказалось удивительно вкусным. Лео заварил чай из трав, припасённых Давидом. Сладкие сухофрукты оттеняли лёгкую горечь напитка. Сразу стало теплее, и даже пещера перестала казаться столь мрачной.

Давид взял печать, покрутил в руках, изучая. Потом перевёл взгляд на Лео — и замер. Смотрел долго, пристально, словно видел его впервые.

Под этим пронизательным взглядом Лео заёрзал.

— Ты чего, Давид? — не выдержал он. — Со мной что-то не так?

Давид молчал, продолжая изучать его лицо.

— Ночью ко мне пытался пробиться Элтоа, — быстро заговорил Лео, чтобы заполнить тишину. — Но не смог — какой-то барьер мешал. Он что-то говорил, но я разобрал лишь «твоя». Может, я заражён тёмной энергией? — Он помолчал. — Когда я посетил его в последний раз, он сказал: всё по порядку — добыть ключ, а потом искать того, кто сможет прочесть заклинание. То есть потомка богов.

Лео горько усмехнулся.

— Вот засада! Ключ есть, а что дальше? Это ведь не спросить, где ближайший магазин. Или сделать запрос в сеть: «Где находится потомок богов поблизости? Желательна доставка на место. Локация — никто не знает где. Пространственные врата. Получатель — владелец дракона, поедающий мёртвых белок силы, возлюбленный водной сущности». Нет, точно найдут такого! И будет нам счастье!

Давид вскинул брови и вяло улыбнулся.

— Всё веселишься? Ну, видимо, тебе это на пользу.

Он помолчал, потом неожиданно, без всякого предупреждения, швырнул печать в сторону Лео.

Тот рефлекторно поймал её — и вскрикнул.

Острые шипы пронзили ладонь с двух сторон. Боль была резкой, но короткой. Капли крови — тёплые, живые — растеклись по металлу, закапали вниз.

Но не упали на землю.

Они, как ртуть, собрались в шар — ярко-алый, пульсирующий, — завибрировали и, словно от ударной волны, разлетелись во все стороны, озаряя пещеру ослепительным светом.

Миллионы светящихся частиц наполнили пространство. Они кружились, танцевали, пели — Лео слышал этот звон не ушами, а всем телом.

Печать вырвалась из его руки, зависла в воздухе, вращаясь с бешеной скоростью и впитывая кровь, всё ещё не успевшую упасть. Мерцающие огоньки устремились к ней, втянулись, и печать, словно набравшись сил, сама резко впечаталась в отверстие скалы.

Всё задрожало.

Воздух изменился, наполнившись неведомой силой. Он стал плотным, почти осязаемым, и дышать стало трудно — но не от недостатка кислорода, а от мощи, разлитой вокруг.

Из печати выплыли письма. Те, что были вырезаны на стене. Они отделились от камня, засветились и стройным потоком устремились прямо в лоб Лео.

Он не успел даже закрыться.

Письмена вошли в него — без боли, без страха. Просто вошли, и сознание взорвалось светом.

Яркое сияние охватило Лео, приподняло его в воздух. Он парил в метре от земли, и из глаз его лился свет — мягкий, тёплый, золотистый. Тело начало преобразаться.

На нём появились новые одежды — длинные, струящиеся, подобные тем, что были изображены на стенах. Белые, с золотым шитьём, они облегали фигуру, не сковывая движений. Аккуратно подстриженные волосы вдруг отросли — ниже пояса, густые, тёмные, они развевались, словно от ветра, хотя в пещере было тихо.

На голове засветилась диадема — тонкая, изящная, с камнем, горевшим в такт сердцу.

В правой руке сам собой возник меч. Не алебарда, с которой он сражался с драконом, — настоящий меч, древний, благородный, с клинком, переливающимся всеми цветами радуги.

Лео посмотрел на свои руки — и не узнал их. Они были его — и в то же время другими. Более совершенными. Более настоящими.

Его губы шевельнулись, и пещеру наполнил голос — кристально чистый, словно перезвон хрустала. Незнакомая речь разлилась плавным потоком, заставляя скалы вибрировать. Слова лились сами, Лео не контролировал их — они рождались где-то глубоко внутри, из той самой крови, что открыла печать.

Камень перетекал в иную форму — таинственную, пульсирующую энергией. Края врат засветились, и створки, тяжёлые, древние, медленно распахнулись.

За ними свет — яркий, манящий, живой.

Ослепительная вспышка поглотила Лео.

Когда свет погас, Давид остался один.

Он стоял, прижимая руку к груди, и смотрел туда, где только что был его ученик. Врата всё ещё мерцали, но уже начинали тускнеть.

— Иди, мальчик, — прошептал Давид. — Иди и возвращайся.

Он опустил на камень, руки его дрожали — от слабости, от волнения, от всего сразу.

Врата закрылись.

ГЛАВА 34. ВКУС ЛОБИО

Давид застыл, глядя в пустоту там, где только что стоял его ученик. Воздух ещё вибрировал после ухода той силы, что поглотила Лео. Обычный парень, которого он учил дышать и верить в себя, превратился в сущность, чья мощь граничила с божественной.

Давид тихо вздохнул, провёл ладонью по лицу, стирая не то пот, не то набежавшую слезу.

— Наконец-то он узнает правду о предках, — прошептал он в тишину. — Вернёт силу, что принадлежит ему по праву.

Собрал вещи. Двинулся в путь.

Дорога домой казалась бесконечной. Ноги заплетались, воздух с хрипом вырывался из груди — то ли силы ещё не восстановились после битвы, то ли тревога замедляла шаги, вязла в подошвах. Время от времени на губах проступала кровавая роса. Давид сплёвывал её в мох и шёл дальше.

Он чувствовал горы. Каждую тропинку, каждый ручей, каждое дерево. Магия текла в его крови веками. Эти вершины, эти леса, эти облака, цепляющиеся за скалы, — часть его существа. Духи предков шептались в шелесте листьев, охраняя покой кавказских хребтов. Они вели его домой.

К вечеру он добрался.

Собаки встретили его тихим, надрывным визгом. Луна и Марс лежали у входа в земляную яму, где всё ещё находился Виктор. Их миски с едой стояли нетронутыми — собаки истончались от голода, превращаясь в тени, но не уходили с поста.

Давид налил воды, глотнул сам, смыл с лица дорожную пыль и направился к Виктору.

Тот лежал неподвижно. Но когда Давид приблизился, резко распахнул глаза. Взгляд был мутным, но осозанным для человека, который столько дней провёл без души и сознания.

— Ты пришёл помочь? — голос Виктора звучал глухо, механически, будто говорил не он, а кто-то другой, спрятанный глубоко внутри.

Давид присел рядом, приложил ладонь к его лбу. Кожа была горячее, но не больной — скорее, наэлектризованной.

— Да. Ты ждал меня. Как ты?

— Лучше. — Виктор облизнул пересохшие губы. — Кто вытащил меня из тьмы? Лео? Где он? Я не чувствую его!

— С ним всё в порядке. — Давид убрал руку. — Сейчас важнее ты. Вставай. Пора приводить тебя в форму.

Он быстро приготовил еду из запасов. Они ели молча. Виктор сидел напротив, но казалось, что между ними стена. Прежде живой, открытый, он теперь выглядел отчуждённым. Мрачность, не свойственная ему, висела в воздухе.

— Где мой сын? — наконец спросил Виктор, впиваясь взглядом. Взгляд был тяжёлым, давящим.

— Он в горах. — Давид спокойно выдержал этот взгляд. — Погружён в глубокую медитацию. Не волнуйся, с ним всё хорошо. Тебе же нужно восстанавливаться. Ты был на грани. Земля поможет вытянуть из тебя тёмную энергию. Ешь, медитируй, спи. Как кости? Болят?

— Нет, — коротко ответил Виктор и опустил глаза.

Прошло несколько дней.

Виктор окреп физически. Он уже мог ходить, есть, спать. Но душа его оставалась чужой. Прежде жизнерадостный, он теперь избегал разговоров, уходил в лес и часами там медитировал. Давид наблюдал за ним со стороны, и с каждым днём тревога в его груди разрасталась, как опухоль.

Однажды Виктор подошёл к нему сам.

— Почему Лео так долго нет?

Давид помешивал похлёбку в котелке, не оборачиваясь.

— Он ушёл в уединённое место. Просил не беспокоить. Вернётся, когда будет готов. Доверься ему.

— Раньше он не пропадал настолько.

— Обстоятельства изменились. — Давид наконец повернулся. — Он вырос. Ты знаешь, трудности закаляют.

Виктор молча кивнул и направился в лес.

Давид постоял, глядя ему вслед. Что-то было не так. Что-то неуловимое — в походке, в повороте головы, в том, как Виктор смотрел на собак. Словно он их видел впервые.

Давид двинулся следом.

Следы уводили в глубину чащи. Виктор шёл быстро, уверенно, не оглядываясь. Давид старался держаться на расстоянии, но вскоре потерял его из виду. Покружив по лесу, он уже собрался возвращаться, как вдруг наткнулся на странное дерево.

Мёртвое.

Оно стояло среди зелени, как чёрный памятник. Земля вокруг была обожжена, трава выжжена до корней. А по кругу, будто в страшном хороводе, лежали трупы птиц и зверей. Белки, птицы, даже крупный заяц — все мёртвые. Воздух вокруг пропитался сладковато-тошнотворным запахом разложения.

Давид замер. Рука сама собой легла на рукоять кинжала.

Что это?

Он прикрыл глаза, ощупывая пространство магическим зрением. И похолодел. Энергия разрушения расплзлась отсюда, как чума. Медленно, но верно. Она уже добралась до ближайших деревьев — их листья желтели, корни гнили.

Давид быстро установил очищающую формацию, прошептал заклинание, призывая духов земли. На это ушло много сил — он ещё не оправился после ранения. Но оставлять такое было нельзя.

Закончив, он поспешил домой.

Виктор встретил его с улыбкой. Чисто выбритый, в свежей рубашке, он хлопотал у стола.

— А вот и ты! — голос его звучал почти как раньше. — Я приготовил на ужин лобио. Твоё любимое блюдо. Кориандра не нашлось, добавил местные травы — надеюсь, понравится.

Он разлил чачу по стаканам. Руки не дрожали.

— Выпьем за тебя, Давид. Без твоей помощи я бы не выжил.

Давид сдержанно улыбнулся, принимая стакан. Внутри всё сжалось, но он не подал виду.

Виктор наложил ему полную тарелку лобио — густого, ароматного, с фасолью и орехами. Себе же взял лишь овощи и сыр.

— Сделаю шаурму, — сказал он, ловко заворачивая зелень в лаваш. — Соскучился по свежей зелени.

— Добавь ткемали, — машинально сказал Давид, следя за каждым его движением. — Будет сочнее.

— Отлично. Особенно в твоём исполнении — это нечто!

Виктор полил шаурму соусом, откусил, довольно жуя.

— За тебя. — Он поднял стакан. — Будь здоров и живи вечно!

Звон стаканов разорвал тишину.

Давид сделал глоток. Поставил стакан на стол. Посмотрел на Виктора.

Тот улыбался. Но глаза его были чёрными. Абсолютно чёрными. Без белков, без зрачков — две бездонные дыры.

Давид понял всё. Но было уже поздно.

ГЛАВА 35. КТО ТЫ?

Давид открыл глаза.

Всё плыло, дрожало, двоилось. Мысли скакали, как взбесившиеся кони, не желая собираться в табун. Давид попытался пошевелиться и понял, что связан. Руки за спиной, ноги стянуты верёвкой, тело прикручено к дереву.

Последнее, что он помнил: улыбающееся лицо Виктора. Только глаза... глаза были чёрными. Как безлунная ночь.

— Очнулся, — раздался знакомый голос. — Вот и чудненько.

Виктор сидел напротив, на поваленном стволе, и чистил яблоко. Нож сверкал в его руках — длинный, узкий, опасный.

— Теперь ты мне расскажешь всё про Лео, — сказал он, не поднимая глаз. — И куда он делся.

Давид молчал. Язык еле ворочался, во рту было сухо, горло саднило.

Виктор отрезал дольку яблока, отправил в рот, прожевал.

— Я слушаю тебя, старик. Говори.

— Что ты... сделал? — еле выдавил Давид.

— А, это. — Виктор усмехнулся. — Я тебе дал сыворотку правды. С учётом твоей силы, пришлось добавить яд. Он усиливает воздействие. Ты мне всё расскажешь прежде, чем твоё старое сердце умрёт. Говори.

Давид молчал. Только дышал — часто, поверхностно.

— Как Лео смог попасть в тот мир? — Виктор подался вперёд, и глаза его снова стали чёрными, поглотившими свет. — Он ведь обычный человек. Я знаю его с детства. Никакой магии, никакой божественной крови. Просто пацан, которого я учил драться. Так как, чёрт возьми, он открыл врата?

— Нет, — прошептал Давид. Губы его тряслись, но голос был твёрд. — Не обычный. Он потомок богов по праву крови.

Виктор замер. Нож застыл в воздухе.

— Вот оно что, — медленно произнёс он. — Маленький засранец. Я всегда чувствовал, что он особенный. Но что он — бог? — он хрипло рассмеялся. — Это слишком.

— Кто ты? Ты не Виктор. Ты — то, что осталось от Теневого Предела в нём. — Давид с трудом поднял голову. В глазах его плескалась боль — не только от яда, но от предательства. Давид понял, что Тень, которую он впустил в себя в Теновом Пределе, наконец взяла верх. — Где Виктор?

Виктор отбросил яблоко, поднялся. Подошёл ближе, наклонился, заглянул в лицо Давиду.

— Ты что, старик, ослеп? — Голос его был тихим, шипящим. — Я — Виктор. Только теперь я наконец-то свободен. И я здесь, чтобы забрать то, что принадлежит мне.

Он выпрямился, прошёлся взад-вперёд.

— Никто не будет искать тебя. Никто не будет сожалеть. Кому ты нужен, старый отшельник? — Он остановился. — Я найду мальчишку. И покончу с ним. Как и с остальными. Но ты этого уже не увидишь.

Давид чувствовал, как яд разливается по венам. Холодный, жгучий, он подбирался к сердцу. Губы беззвучно шевельнулись:

— Тебе... не одолеть его...

Кровь хлынула горлом, оросив смятую траву. Голова безвольно упала на грудь. Привязанное тело обмякло, и только веки слегка подрагивали.

Виктор стоял, глядя на него. Потом подошёл, пнул ногой поникшее тело человека, который не раз спасал ему жизнь. Плюнул рядом.

— Это мы ещё посмотрим, — усмехнулся он.

Глаза его заполонила чёрная бездна.

ГЛАВА 36. ПО СЛЕДАМ ЛЕО

Силуэт крупного мужчины застыл на мгновение перед входом в пещеру, словно прислушиваясь к себе, — и решительно шагнул в темноту.

Талиэн погиб. Вход в божественные врата остался без защиты.

Тот, кто называл себя Виктором, двигался уверенно, как будто знал эту пещеру всю жизнь. Его шаги — бесшумны, а дыхание ровно. Тени на стенах тянулись за ним, как верные псы.

Он остановился перед стеной, в которой располагались врата.

Чёрная, бугристая поверхность скалы мерцала лёгким сиянием. В середине, яркой звездой, светился оставленный Лео ключ — круглый, замысловатый, пульсирующий тёплым светом.

Виктор подошёл вплотную. Достал бинт — тот, который использовал Лео после битвы с Талиэном. Следы крови — сухие, бурые, почти невидимые — всё ещё хранили память о хозяине.

Чёрная тень выскользнула из его руки, впиталась в ткань, обволокла каждую нить. Бинт вспыхнул, рассыпался в пепел — и из пепла поднялся тёмный шар, пульсирующий багровым светом. Внутри него клубилась ожившая, жаждущая кровь.

Шар метнулся в ключ.

Текст древних богов вспыхнул ослепительно — и Тень, возвысившись над телом Виктора, впитала в себя знание. Звучный, мелодичный голос, не принадлежащий ни одному живому существу, зачитал слова, которые не произносились тысячелетиями.

Печать-ключ вспыхнула. Врата отворились вновь.

Тьма за порталом загустела, как дёготь. Но Тень не колебалась.

В этот момент из глубины пещеры, а может, и самих стен, раздался тихий шёпот — древний, шуршащий, как осенние листья:

— Ты не знаешь, с кем связался...

Виктор резко обернулся.

Никого.

Только тени на стенах — и они больше не безмолвствовали. Они шептали свою древнюю песню, предупреждая: месть не знает границ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.